

НАИЛЬ ВЫБОРНОВ

16+

КНЯЖИЙ СЫН
ОТЦОВСКИЙ МЕЧ

Наиль Эдуардович Выборнов

Княжий сын. Отцовский меч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67831358

SelfPub; 2022

Аннотация

Олег – сын лекарки, всю жизнь проживший под крылом матери. Он не знает своего отца, он не бывал в других краях. И, кажется, вся жизнь так и пройдет в маленьком селе на Брянщине. Но все меняется когда в селе появляется таинственный старый воин. Седой дружинник рассказывает Олегу, что его отец – легендарный Орловский князь, объединивший под своей властью пять крупнейших княжеств. Перед сельским парнем открывается головокружительная перспектива, однако есть проблема. Олег – бастард, а отец, который мог бы признать его, погиб при весьма подозрительных обстоятельствах. Собрав друзей, Олег отправляется в рискованный и трудный поход за троном своего отца. Надежды доказать свои права почти нет, но разве может это остановить юных авантюристов, снедаемых жаждой приключений? Меч князя Кирилла вновь покинул ножны, чтоб юный наследник мог вернуть себе то, что принадлежит ему по праву рождения.

Содержание

Княжий сын. Отцовский меч	4
Глава 1	12
Глава 2	30
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	68
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Наиль Выборнов

Княжий сын.

Отцовский меч

Княжий сын. Отцовский меч

Пролог

Брянское городище. Середина лета 55-го года от Последней Войны.

Я бросил взгляд на беснующуюся передо мной толпу. Сколько их здесь? Три сотни? Пять? Скорее всего, посмотреть на казнь собрались все незанятые жители Брянска, вне зависимости от рода деятельности и достатка.

Тут были и зажиточные горожане в расшитых кафтанах и дорогих кожаных сапогах, и нищие в лохмотьях. Наметанным взглядом я сумел увидеть в толпе как минимум троих профессиональных воришек, замаскированных под просителей милостыни. Для таких казнь – праздник, возможность почти безнаказанно пошарить в карманах у отвлекшихся на развернувшееся представление людей.

Толпа жаждала крови и бесновалась. Не знаю почему, но меня сместило то, что холодную голову сохраняли как раз карманники, три десятка городской стражи, да главные действующие лица. Судья, служитель Красного Тельца, и палач. Правда они не могли позволить себе потерять голову, ведь казнь – это не только веселое представление и правосудие в одном действии, но и строгий ритуал, который никак нельзя нарушить.

Впрочем, основная роль в сегодняшней постановке отводилась мне. И хоть, я и пытался бодриться и делать вид, что способен сохранить дух даже в такой ситуации, мне постоянно приходилось сглатывать слюну и сдерживать дрожь в коленях. Руки, наверное, тоже тряслись бы, не будь они туго связаны за спиной несколькими витками стальной проволоки.

Не каждый день тебя прилюдно вешают. Честно говоря, у меня это вообще в первый раз. Хотелось бы надеяться, что и не в последний.

День выдался приятный. Теплый ветерок обдувал мое тело через множество отверстий в робе, которую мне выдали специально для казни. Солнце ярко светило, но не в глаза, чуть со стороны, с Заката. Площадь будто специально построили таким образом, чтобы во время разворачивающихся на ней представлений, ничто не могло отвлечь зрителей.

Судья заколотил в специальный колокол, подвешенный на эшафоте, толпа практически моментально замолкла, обра-

тив все внимание на слугу закона. Убедившись в этом, он опустил ритуальную булаву – символ власти – и начал свою речь.

– Двадцать пять лет назад, – разнесся над площадью его мягкий, но при этом удивительно сильный голос. – Князь Кирилл собрал наши земли, объединил разрозненный Последней Войной народ и дал отпор пришедшей с восхода Орде.

Последней Войной было принято называть конфликт, положивший конец прежнему порядку. Я не знаю толком, что тогда произошло, но за последующие тридцать лет, которые обозначали, как Темные года, человечество оказалось отброшено на долгие века назад. Почти все технологии оказались утеряны, и выжившим снова пришлось учиться жить с земли. Как раньше.

– Шестнадцать лет назад князь покинул нас, не оставив потомков, – судья очевидно решил зайти издалека. – Перед смертью он передал власть пятерым наместникам, которые мудро правят нашим народом и по сей день. Олег, человек, который сегодня предстал перед нами, совершил страшное преступление. Он выдает себя за сына князя Кирилла. Это самозванец, решивший захватить власть в свои руки, отобрав ее у законных правителей.

С точки зрения местных я действительно был самозванцем. Да и, честно говоря, отца своего я не знал, так что и сам иногда сомневался в собственной правоте. В последнее

время, правда, все реже и реже.

А толпа и так прекрасно знала, за что меня собирались казнить. В конце концов, мы навели немало шороху в местных землях, да и награда за мою голову составляла не много не мало – полторы тысячи серебряных рублей.

– За это, а также за организацию вооруженной банды, разбой и грабеж, судом Пяти княжеств, он приговаривается к смерти.

Насчет организации банды он, может, и был прав, дружину я успел собрать. Но вот грабежом мы не промышляли. Даже наоборот – били разбойников везде, где встречали, и даже отнятое селянам возвращали, хотя могли и себе оставить.

– Ты отказал жрецу Красного Тельца, когда он пришел, чтобы облегчить свою долю, – обратился ко мне судья. – Но Красный Телец милостив, и готов принять даже того, кто совершил такое страшное преступление как ты. Отрекись от своей лжи, публично прими покаяние, откажись от ложной веры, и останешься жив. Смертный приговор будет заменен пожизненной ссылкой на рудники.

Жрец кивнул, будто подтверждая слова судьи, хотя это и не требовалось. Толпу устроило бы и публичное раскаяние. По накалу страстей это было бы ничуть не хуже, чем казнь.

– Я говорю правду, – попытавшись пожать плечами, ответил я. – Я не собираюсь лгать всем и себе только чтобы выиграть пару лишних месяцев жизни, пока меня не забудут надсмотрщики.

– В таком случае ты будешь казнен через повешение, как лжец и вор, – заключил судья, и снова ударил по колоколу. – Можешь высказать свое последнее желание.

Черт знает, кто выдумал этот дурацкий ритуал, но последнее желание разрешалось высказать даже самым отпетым разбойникам и убийцам. Не позволялось это только обвиненным в колдовстве, тех выводили на казнь с заклеенными пчелиным воском ртами. Впрочем, их чаще всего казнили иначе – сжигали на кострах. Если были сомнения, то подвергали испытанию водой, бросая в Десну, предварительно привязав к ногам мешок с камнями.

Многие осужденные начинали умолять о пощаде, валялись на колени, что практически мгновенно пресекалось палачом. Но я не собирался доставлять своим мучителям такого удовольствия.

– Принесите кружку пива, – слегка охрипшим голосом попросил я. – Грустно помереть трезвым.

Судья посмотрел мне в глаза и понимающе усмехнулся. Пока отправят слугу до харчевни за углом, пока объяснят трактирщику про последнюю волю осужденного, пока принесут кувшин, пройдет не меньше пяти минут. Видимо, слуга закона решил, что я пытаюсь таким образом продлить свою жизнь.

– Мы услышали твою волю, – он кивнул кому-то из прислужников.

Толпа зароптала. Они уже ждали, что вот-вот произойдет

сокровенное, вот-вот осужденный лишится жизни. И то, что казнь отодвигалась, им совсем не понравилось.

Впрочем, делать им все равно было нечего, оставалось только ждать.

Я улыбнулся. Хоть в чем-то я сумел им насолить. Не так уж и плохо, верно?

Скоро слуга вернулся с большой глиняной кружкой и передал ее палачу. Естественно, что сам я ее взять не мог. Заплечных дел мастеру пришлось поднести емкость к моим губам, только я не понимал, зачем он при этом разжал мне челюсти второй рукой, будто меня надо было поить насильно, а не я сам попросил пива.

Хмельной напиток оказался горьким и теплым, выдохшимся, почти без пены. Похоже, что скряга-трактирщик налил его с самого дна почти пустого бочонка. Ну да, смертнику ведь и такое сгодится.

Тем не менее, я выхлебал поднесенную кружку до дна, хоть не меньше половины и пролилось по моему лицу и шее, испачкав робу. Палач передал емкость слуге, понимающе кивнул мне, схватился за кожаный шнурок на шее и резким движением сорвал деревянный нательный крест. Аккуратно, будто извиняясь, сложил и сунул в единственный нагрудный карман на моем одеянии.

Какая разница, все равно хоронить меня собирались на холме за городом, рядом с другими осужденными преступникам. Да и христианство тут было не в чести. Хоть моих

братьев по вере и не преследовали в открытую, но сильно недолюбливали.

Он обошел меня, и уже через мгновение на мои плечи легла крепкая конопляная веревка. Здравствуй, подруга. Сколько ты уже лишила жизни? Вот пришел и мой черед.

Если веревка рвалась, то осужденного отпускали. Тоже проверка своего рода. Только вот случалось это один раз на тысячу, и дело было вовсе не во вмешательстве местного божка, а в обычной нерадивости палача, забывшего сменить перетершееся орудие казни.

Петля затянулась, плотно обхватив мою шею.

– Отче наш, сущий на небесах, – заговорил я.

Сапоги палача глухо бухали по доскам помоста. Здесь рычагам и люкам предпочитали хитрую систему из блоков. Палач крутил колесо, медленно подтягивая веревку вверх. Наверное, это больно.

– Да святится имя Твое, – продолжал я. – Да придет царствие Твое.

Меня потянуло вверх. Медленно, почти нежно. Касания веревки напоминали об объятиях матери.

– Да будет воля Твоя и на земле, как на небе.

Конструкция скрипела под моим весом, но я все еще мог стоять, правда, лишь опершись носками.

– Хлеб наш насущный дай нам на сей день, – прохрипел я. – И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

Меня подтянуло еще выше, ноги оторвались от помоста.

– И не введи нас в искушение, но избави нас от лукавого, – уже не проговорил, а пробулькал я, пытаюсь втянуть в себя воздух. В глазах потемнело.

Аминь.

Глава 1

Брянское княжество. Васильево село. Ранняя осень 54-го года от Последней Войны.

– Олежка, – кто-то потряс меня за плечо. – Олежка, вставай.

Я приоткрыл глаза, и увидел нависшее надо мной бесконечно любящее лицо матери. А это означало, что притворяться спящим больше нет смысла. Мама всегда безошибочно угадывала момент, когда я проснулся, и бесцеремонно гнала меня из постели. Особенно, когда ей действительно было что-то нужно.

Да, даже, если она просто решила, что я слишком залежался, и мне следует заняться чем-нибудь полезным.

– Но мама, мы же всю ночь травы собирали, – пробормотал я, пытаюсь имитировать сонный голос.

– Да, но я-то уже несколько часов как встала, – возразила мать. – Вставай, надо воды в баню натаскать, а потом мне твоя помощь понадобится.

Пришлось подниматься. Я уселся на набитой соломой подстилке и принялся сворачивать одеяло. С детства меня приучали, что вокруг должен быть порядок, тогда он же будет и в голове, и все дела пойдут на лад.

Впрочем, не сказать, что это правило работало всегда.

– Умывайся и одевайся, – мама задержалась в дверях. – Завтрак на столе, потом пойдешь за водой, котел почти пустой. Сам ведь знаешь...

– В чистом теле чистый дух, – ответил я, отложив в сторону свернутое покрывало.

Мать рассмеялась звонким девичьим смехом и упорхнула. Подобно всем женщинам нашего села, она носила длинное платье, подол которого волочился почти по самой земле. Правда, если большинство из них предпочитало практичные серый или коричневый тона, то мама больше любила зеленый. А еще она никак не прикрывала волосы, и носила длинную, до пояса, косу с вплетенными в нее цветными лентами.

Я не знал сколько лет моей матери, но по обычаям, подтвержденным словами жрецов Красного Тельца, такие косы дозволялось носить только незамужним девушкам, еще не познавшим мужчины. Почему моя мать одевалась так, если имелось неоспоримое доказательство того, что мужчина у нее когда-то все-таки был, в виде моего существования?

Отца я не знал. С раннего детства, как только выучился разговаривать, выпрашивал у нее, что это был за человек, но ответа так и не получил. Вернее, отвечать-то она отвечала, но это каждый раз были какие-то байки и прибаутки, которым не поверил бы даже трехлетний ребенок.

– Ты так и будешь там сидеть? – слышался с улицы голос матери.

Вздыхнув, я поднялся с места, вышел из каморки, кото-

рую за семнадцать лет привык воспринимать своей, и оказался в основном помещении нашей избы. Здесь все было привычно и понятно: большая печь с дымоходом, полати, несколько полок вдоль стен, завешенных расшитыми полотнищами, несколько маленьких окошек для продуха. Единственное большое окно сейчас было открыто, и на столе возле него стояли блюдо и миска, прикрытые полотенцами, и большая глиняная чашка.

В миске оказалась пшенная каша, щедро сдобренная сливочным маслом. На блюде – кусочек манника, который мать готовила вчера. В чашке был уже остывший травяной чай.

Быстро пробормотав слова благодарности Красному тельцу, я умял приготовленный матерью завтрак, собрал блюда одно в другое, прихватил кружку, и двинул на улицу. Миновал сенца, в которых стоял привычный тяжелый дух трав, развешенных для просушки.

Я более-менее разбирался в растениях. Умел правильно собрать и засушить, приготовить и отвары, и мази, и настойки, а все потому что мать нещадно гоняла меня по этому делу. Еще бы, ведь именно оно и было причиной относительной зажиточности нашей семьи. И, наверное, одной из причин того, почему матери прощали многое, чего не стали бы терпеть от других женщин Васильевского села.

Дело было даже не во внебрачном сыне, нравы у нас были более чем свободные, да и беременность до брака воспринималась не как порок, а как достоинство – значит, женщина

здорова, не бесплодна. К тому же многоженства жрецы Красного тельца никак не порицали, а совсем наоборот, всячески поощряли. Считалось, что у мужчины может быть столько женщин, сколько он способен обеспечить, и столько детей, сколько он способен прокормить и воспитать.

Дело было в другом. Мне этой весной исполнилось семнадцать, а значит, матери было никак не меньше тридцати трех – тридцати четырех лет. С точки зрения местных это было недопустимо, чтобы женщина на середине своего четвертого десятка оставалась незамужней.

Но терпели. Да, я частенько слышал, как бабы у колодца или родника шептали друг-другу что-то про ведовство, и прочее, и быстро умолкали, едва стоило мне подойти поближе. Да, несколько раз мне приходилось драться с другими мальчишками, которые заявляли мне, что мать моя – ведьма.

Но постепенно это сошло на нет.

Оказалось, что я и правда провалился почти весь день, что неудивительно, ведь с холмов мы с матерью вернулись только перед самым рассветом. Она всегда говорила, что один летний день весь год кормит и, хоть мы и не пахали землю, а зарабатывали другим, это было все равно справедливо. Зимой-то травы не растут.

Подошел к бадье, стащил с себя рубаху, повесив на ветку дерева, и бросил взгляд на свое отражение на поверхности водной глади. Глуповатая у меня рожа, как ни крути. Вроде и лицо правильной формы – не круглое, но и не вытянутое.

Вроде и нос тонкий, и уши не торчат. Но все равно, есть что-то такое, что выдает деревенского паренька.

Когда в том году осенью с дядькой Фомой ездили на ярмарку в Брянск, как я ни старался приодеться по-городскому, натянув вместо обычных рубахи и ботинок на деревянной подошве кафтан и подаренные матерью кожаные сапоги... Все равно, все поняли, что из деревни.

Может быть, дело в стрижке? Намочив ладонь, я попытался пригладить неровные волосы с короткой челкой, но так вышло только хуже. Отбросив желание плюнуть в свое отражение, выбросил из бадьи занесенный туда ветром лист яблони, и принялся умываться, шумно плеща водой и отфыркиваясь.

Закончив с этим, снова оделся, подпоясавшись веревкой, взъерошил волосы, чтобы они торчали в разные стороны и пошел к сараю мимо курятника, где квохтали, жалуясь на свою нелегкую птичью жизнь, с десяток несушек.

Мать сидела на скамье у бани, что-то перетирая в ступе.

– Собрался? – спросила она, бросив на меня взгляд. – А волосы чего взъерошил?

– С прилизанными глупо выгляжу, – ответил я.

– Так ведь и так не лучше, – она снова засмеялась. – Ладно, как этой осенью снова в город поедете, дам тебе пару монет, зайдешь в бани и пострижешься по-городскому. А сейчас, бери ведра, коромысло, и натаškai воды. Потом баню затопишь.

– Пусть бабы таскают с коромыслом, а я и прямо так могу, – ответил я, схватив оба пустых ведра в одну руку и, не слушая материнских возражений, двинулся к калитке.

Подпрыгнул по дороге, сорвал крупное зеленое яблоко с низко висящей ветки, потер его о рубаху и откусил. Оно оказалось слегка кислым, но это ничего, сорт такой.

За водой можно было пойти к колодцу, что в центре деревни, или к роднику на окраине. Я решил отправиться к роднику, он и ближе к нашему с матерью дому, и набирать воду оттуда вышло бы быстрее, чем вертеть колоду. Тем более, что ключ у нас бил на холме, то есть, подниматься туда нужно было с пустыми ведрами, а идти с горы с полными выходило бы полегче.

Поэтому я повернулся спиной к деревне и пошел в гору, гремя ведрами и продолжая грызть яблоко. Утоптанная десятками ног тропинка под подошвами нещадно пылила, будто по ней ехал отряд конных, а не поднимался один паренек.

Развернувшись, я посмотрел вниз, на деревню, на родное Васильевское село. Или Васькино, как многие жильцы его ласково именовали. Почему его так называли, в памяти местных не сохранилось. Да и не задумывался, наверное, никто.

Всего-то десятка два домов, в каждом по одной-две семьи. И несколько строений побольше: харчевня с просторным двором, где проводят все местные празднества, дом стражи, и гордость Васильевского села – храм Красного тельца. Единственный на ближайшие пять или шесть сел, из-за

чего, жрец тамошний был очень занятым человеком. Ну так, единственный божий служитель на пару десятков километров, вечно в трудах и разъездах. Ни одна свадьба и ни одни похороны без него не обходятся.

В общем, маленькое село. Отсюда кажется, что на ладони уместиться может, здания все, как игрушечные. Вон, от дома пекаря Петра дымок поднимается, значит, скоро можно будет свежей выпечки купить. Хлеба-то на семью каждая хозяйка сама может сготовить, если мука будет, а кренделей, да рогаликов, как он делает, да с посыпками разными...

А вон, от дома стражи в разные стороны расходятся наши brave сторожа. Почему их так называли, не знаю, но есть у них и доспех, и оружие. Хотя, на все Васильевское село их всего-то с десяток человек. Да и делать им что-то не так уж часто приходится: во время праздников перепивших селян вразумить, иногда драчунов разнять. Насчет того, что они против разбойников сдюжат, я сомневался, но ведь в таком случае все деревенские мужики соберутся, а их здесь не меньше полусотни. С вилами, да рогатинами, но все равно, намнут бока, кому хочешь.

Хотя, старший из сторожей, дядька Виталий, рассказывал, что он еще в дружине самого князя Кирилла ходил, и с Ордой воевал. Только вот, сколько я у него не просил, меня научить с мечом обращаться, он отказывается. Наверное, мать запретила тайком, чтобы я от лекарских занятий не отвлекался, а сама не говорит.

Единственное кирпичное здание в деревне – тот самый храм. И не только для того чтобы подчеркнуть величие и богатство церкви Красного Тельца, но и потому что это – убежище. При необходимости там можно было бы спрятать всех детей и женщин нашего села.

Чуть в стороне, будто одеяло лоскутное, пашни раскинулись. Правда на большинстве просто черная земля – где-то уже сжали, а где-то озимые посадили. Ну и зеленые есть, те, что под паром. Пшеница, просо, овес, рожь – все здесь сажают, и урожаи хорошие. Рядом – репа, картошка, бурак, гарбузы... Скоро тоже собирать будут, но я в этом обычно не участвую. Мы с матерью не с земли живем.

Земли кругом сколько угодно, и каждая семья возделывает столько, сколько сможет. Не забудь только пятину с урожая отдать людям наместника, которые по осени приезжают. Все точно взвесят, сосчитают и заберут.

А вокруг, куда ни глянь, луга. Вот ведь с умом место выбирали: с одной стороны холмом прикрыто, с другой – земли полно, вода есть. Леса, правда, маловато. Хотя про наше княжество говорят, что севернее леса много, но тут его почти нет.

С одной стороны, это и хорошо, потому что корчевать ничего не надо, и земли под пашни да пастбища, сколько угодно. С другой – лес тут дорог, потому что тащить его придется издалека. А единственную небольшую рощу по ту сторону холма тщательно берегут. Не будет леса, не будет и зве-

рей.

Придирчиво осмотрев огрызок яблока в руке, я откусил последний кусочек, который представился мне съедобным, швырнул то, что осталось от несчастного фрукта, куда-то в сторону, и пошел дальше к роднику.

Ключ бил на самой вершине холма, под сенью широко разросшегося одинокого дуба. Вода весело журчала, вытекая из металлической трубы, собиралась в небольшую каменную чашу, откуда ручейком вытекала вниз по холму, вдоль тропинки.

Кто-то явно постарался над обустройством родника. Возможно, что из-за него тут село и возникло, все-таки источник чистой питьевой воды. Это потом его стало не хватать, и вырыли колодец внизу, у самого центра деревни.

Но и этот ключ никто не забыл, сюда частенько приходили люди, чтобы поговорить в отдалении от села. Да и не только поговорить – нижние ветви дуба были перевязаны огромным количеством разноцветных ленточек.

Дерево это было гораздо старше деревни, и почиталось местными как охраняющий село дух. Под этим деревом было принято давать клятвы, а молодые влюбленные парочки оставляли здесь ленты в качестве жертвы духу этого дуба. Наверное, когда-нибудь и мне придется привести сюда Машку...

Жрецы Красного Тельца такое не поощряли, но и против ничего не говорили. В общем-то, было в проповедях у них

что-то про то, что Телец создал не только землю, но и людей и всех природных духов. Вот дуб одним из таких духов и считали. Еще поклонялись духам домашних очагов, рек, лесов, и всего остального.

Я в данном плане особым рвением не отличался, потому что, всем мелким божкам не угодишь. Как ни старайся, все равно хоть кому-то, но на хвост наступишь. Следил только за языком, чтобы не ляпнуть лишнего.

Мать говорила, что, пересчитав кольца на дереве, можно было узнать сколько ему лет. Но я искренне надеялся, что такая судьба не постигнет этот величественный дуб. Горько становилось только от одной мысли, что он когда-нибудь окажется срублен.

Зачерпнув воду прямо из каменной купели, я взялся за значительно потяжелевшие ведра, и двинулся вниз. Мне предстояло сходить туда и обратно как минимум еще четыре раза, пока котел в бане не заполнится. И по-хорошему, еще и кадушки в предбаннике, чтобы не в кипятке мыться.

Идти было нетяжело, хоть полные ведра и весили немало, но их ручки были снабжены деревянными накладками, чтобы не врезались в ладонь. Бодрым шагом я спустился с холма, зашел во двор, с гордым видом прошествовал мимо рабочего места матери, и перелил воду в котел.

Второй и третий раз ничем не отличались от первого. А на четвертый, забравшись на холм, я увидел на скамейке под деревом обнимавшихся Пашу и Сашу. Хотел, было, незамет-

но развернуться и дойти до колодца, но они смотрели прямо на дорогу, и естественно меня заметили. Теперь сбегать уже было глупо, а терять лицо не хотелось.

Друзьями мы с Пашей не были, но общались достаточно хорошо. Пару раз устраивали шалости, вроде подбрасывания углей в курятник доставших нас своими нравоучениями бабы Вали, воровства яблок из сада дядьки Петра. Вместе же после этого попадали в неприятности, и огребали тяжелыми предметами по чему попало.

С Сашей мы тоже были знакомы, как и все в Васькином селе. Но с ней я практически не общался, в отличие от ее старшего брата Ромки. Вот с ним мы были в очень хороших отношениях, хоть он и был на год взрослее. Возможно, все дело было в том, что в свое время моя мама спасла их мать от послеродовой горячки, заодно умудрившись сохранить жизнь родившемуся очень слабым Антону – третьему ребенку в семье.

Я приветственно махнул влюбленным, получил в ответ кивок и принялся набирать воду. Говорить ничего не хотелось, прекрасно понимал, что я им уже тут всю красоту момента порушил.

И как они смогли пройти сюда мимо меня? Пока я в бане торчал? Или по другой дороге шли? Холм большой, троп, ведущих на его вершину, предостаточно, мимо моего дома проходит отнюдь не единственная.

Наполнив ведра, я развернулся и пошел обратно. Котел

практически полон, а в кадушках и с прошлого раза что-то оставалось, на раз помыться хватит. В любом случае, обратно я возвращаться не собираюсь, пусть сидят – милуются.

На какое-то время мне даже показалось, что я разозлился сам на себя за то, что увидел то, чего не должен был. Потом плюнул.

Наполнил котел в бане до краев, перелил остатки в кадушку, повернулся и наткнулся на внимательный взгляд матери.

– Топить баню сейчас не надо, мне отлучиться надо, и я последить не смогу, – сказала она. – Сейчас иди к Ксюше, они свиней забивать собираются. Поможешь ей, она тебе за это сало даст. А мне надо будет еще раз на холм сходить, я кое-что забыла.

– Ты сегодня смалец топить будешь, значит? – спросил я. – Можно, я, как тете Оксане помогу, пойду погуляю?

– А что такое? – мать усмехнулась. – Мне, значит, помочь не хочешь?

– Ну, ты же знаешь, – я поморщился. – Ты же весь дом жареным салом провоняешь...

– На танцы хочешь? – она улыбнулась еще шире.

Танцы в харчевне бывали часто, каждую пятницу, и плясали все, от мала до велика. Было это чем-то вроде традиции: после тяжелой рабочей недели вымыться в бане, а потом танцевать под простенькую музыку, которую можно сыграть на имеющихся под рукой инструментах. Ну или не танцевать, а просто сидеть за столом в харчевня, пить доброе пиво под

немудреные закуски, да общаться со знакомыми.

Пиво мне уже разрешали, если только немного. Да и сложно было напиться местным слабым пивом, которое пьянило чуть сильнее, чем квас.

— Ну да, — ответил я, сделав как можно более невинное лицо.

— Ну, так пойдешь. Баню истопишь, вымоешься, да пойдешь. А сейчас давай к Ксюше иди, она тебя ждет.

Я вышел из бани и двинулся в сторону деревни. Тетя Оксана была женой нашего мясника. В действительности, дело это больше принадлежало ей, чем ее мужу, потому что досталось в наследство от отца — дядьки Захара, которого лет семь назад принесли с охоты, запоротым кабаном. Мать пыталась что-то сделать, да вот вепрь не только проделал в животу мужчины дыру своими клыками, но и неплохо потоптался по нему, сломав несколько ребер.

Короче, мать сразу сказала, что ничего в такой ситуации не сделать, что вместо лёгких у него сейчас в груди кровавая каша. Так и помер дядька Захар.

Тетя Оксана быстро взяла дело в свои руки, а ее муж принялся помогать, и они быстро пошли в гору на торговле мясом, и даже отправляли свои товары в город вместе с караваном. Поговаривали, мол, это ее муж, устроил так, чтобы тестя задрал кабан, но мне дядька Игорь казался настолько добрым и незлобивым, что я и представить не мог, чтобы он пошел на убийство. Вот Захар тот да, у него характер был не

сахар, это даже я помнил.

В общем-то всё у них было хорошо, только вот в семье было уже четверо дочерей. А дядька Игорь упрямо мечтал о сыне, да, чтобы по хозяйству помочь мог, и чтоб дело потом ему передать.

А пока что ему приходилось пользоваться помощью наемных работников. Часто в лице меня, потому что денег мать за мою помощь не требовала, а брала либо мясом, либо салом. Мясо она, что естественно, готовила, а из сала вытапливала смалец, который использовала в качестве основы для мазей.

Радовало, что вечером мне достается как минимум целое блюдо шкварок. Можно будет сесть во дворе харчевни с теми же Пашей и Ромой, выпить пива под шкварки... Ещё и хлеба бы белого достать, но это уже сложнее. Правда, меня-то Маша все равно потащит танцевать.

Стоило подумать об этом, как мне на лицо, закрывая глаза, легли чьи-то ладони. Кожа на них была достаточно плотной, но не чувствовалось характерных для мужских рук мозолей. Да и посмотрел бы я на придурка, который решился б так пошутить со мной.

Впрочем, все и так было ясно.

Я развернулся на месте, выбираясь из хватки девушки, обнял ее и привлек к себе.

Хорошая она девчонка. Мы сошлись совсем недавно, удачно столкнувшись лбами на празднике летнего солнцестояния. Дочка дядьки Виталия, который к нашим отноше-

ниям отнесся с настороженностью, видимо, желая найти лучшую пару для своей дочери, чем худой и нескладный сын лекарки.

Но с ней все равно было легко и приятно. Да и внешне она настоящая красавица: длинные прямые и черные как смоль волосы, которые так интересно смотрятся со светлой кожей и зелеными глазами. Круглое лицо, в любой момент готовое расплыться в приветливой улыбке. И фигура ... Ну, честно говоря, все бабы, которых я до этого видел, они фигуристые, но Маша – не такая совсем. Изящная она, тонкая и гибкая.

– Ты бы хоть сначала угадать попробовал, – слегка надув губы, проговорила она.

– А чего там угадывать? – спросил я. – Кто ещё может так сделать? Баба Валя?

– Хотела бы я на это глянуть, – она громко рассмеялась. – Куда идёшь?

Я посмотрел ей через плечо, где за невысоким заборчиком расположился двор харчевни. Сейчас он был практически пуст, солнце стояло слишком высоко и жарило нещадно, из-за чего все посетители, видимо, предпочли спрятаться в здании, где, естественно, тоже можно было выпить и поесть. Все кроме одного.

Мужчина был стар, скорее всего даже старше дядьки Виталия. Белые, как снег волосы были собраны на затылке в хвост, а борода – в две длинные косы. И с первого взгляда было ясно, что несмотря на возраст, этот человек очень

силен. Все выдавало в нем воина: синяя солдатская куртка, уродливый белесый шрам через всю щеку, а главное – короткий меч в ножнах на поясе.

– Кто это? – спросил я скорее сам у себя, чем у девушки.

– Кто? – Маша повернулась и заметила старика. – А, это...

У отца был, сегодня приехал. Вроде кто-то из старых солдат.

– Из княжеской дружины? – заинтересовался я.

С моей точки зрения, он был похож на дружинника гораздо сильнее, чем старший из наших сторожей. Старик, кстати, наше внимание заметил, но только опрокинул себе в глотку содержимое большой кружки и вдруг уставился немигающим взглядом серых глаз мне в лицо. Будто пытался разглядеть какие-то знакомые черты.

– Не знаю, он не уточнял... – Маша снова повернулась, и положила руки мне на плечи. – Так, куда ты идешь?

– К тете Оксане, помогать, – ответил я, с трудом оторвав взгляд от незнакомца. – Мать отправила, они будут свиней забивать, вот и меня попросили помочь.

– Вот как... А я думала, ты ко мне. Ты же на танцы идешь?

– Иду, – кивнул я, понимая, что планы по поглощению шкварок под пиво идут прахом. – Зайти за тобой?

– Не, отец недоволен будет, что ты шатаешься. Давай уже здесь, у харчевни встретимся, хорошо?

– Да, хорошо, – я попытался улыбнуться как можно теплее, хотя, если честно, мне было не по себе. – А ты-то тут чего?

– Да, надо же ужин отцу готовить, – ответила она, похоже, не заметив моего подавленного настроения. – Ладно, я побежала. До вечера. Буду ждать тебя тут.

Она поцеловала меня в щеку и упорхнула. Дурацкий какой-то день. Сначала Саша с Пашей сбили с настроения, теперь вот этот дед. И чего он на меня уставился, что ему вообще надо?

Я снова посмотрел на старого вояку, который, теперь старательно делал вид, что ждет, пока к нему подойдет служанка. На мгновение захотелось подсесть к нему и поговорить, но я решил плюнуть, повернулся и двинул дальше к мясницкому подворью.

Добрался до ворот, открыл калитку и вошел во двор. Оксана уже ждала меня у крыльца. Высокая дородная женщина с толстой, с мое предплечье, косой, выпадающей из-под покрывавшего голову серого платка. С первого взгляда становилось понятно, что уж кому-кому, а ей никогда не приходилось голодать.

А уж, если посмотреть на подворье... Красивая беленая изба с резным крыльцом, большой огород, курятник. Несколько хлевов, один сейчас пустой, потому что буренки и бычки пасутся вместе с деревенским стадом. А во втором сейчас как раз тревожно хрюкают те самые поросята. Еще бы, они ж не кормленные со вчерашнего дня.

Богато они живут. И ничего плохого не скажешь – всего добиваются своим трудом. Ну и моим иногда. Не хочется во-

зиться, но делать нечего, ведь против матери не попрешь. Да и сам понимаю, что надо.

Теперь мне до самого вечера помогать дядьке Игорю выводить этих поросят из хлева, проваливаясь по щиколотку в густой и вязкий свиной навоз. А когда дядька забьет их и спустит кровь, помогать опаливать разделывать.

Зато мысли о седом деде с мечом отступили на второй план, а вскоре и вовсе забылись.

Глава 2

Брянское княжество. Васильево село. Ранняя осень 54-го года от Последней Войны.

– За друзей! – пьяным голосом крикнул Роман, поднимая вверх кружку.

– За друзей! – хором ответили мы с Пашей и ударили своими кружками по его.

Я тут же поднес емкость ко рту, выдохнул, сдувая пену и в несколько хороших глотков прикончил пиво. Вытер губы тыльной стороной ладони, схватил ложку, зачерпнул ей шкварки, закинул в рот и принялся жевать. Откинулся на лавке, прислонившись спиной к стволу росшей на дворе харчевни березы.

Появилось желание прикрыть глаза. Умаялся я. Сначала воду таскал, потом помогал свиней забивать и так устал, что и на танцы-то идти не хотелось. Но потом сходил в баню, попарился, поплескав на камни мятным отваром, вымылся и почувствовал себя, будто заново родился.

Хорошо было тут, почти вся деревня собиралась, чтобы предаться немудреному, но бурному веселью. Правда, танцы еще не начались, музыканты только готовились, настраивая инструменты и спешно заливая в себя кувшины пенного. Иг-

рать трезвыми они отказывались наотрез.

А скоро все соберутся, квас и пиво польются рекой, люди начнут танцевать. Потом, возможно, будет драка, дальше все опять перепьются и разойдутся по домам. Я не первый раз участвовал в деревенских праздниках, и всегда это было весело. Но сегодня одно обстоятельство омрачало мое настроение.

Мать закончила топить смалец и отправилась на холм собирать травы. По-хорошему, я должен был помочь ей, и даже предложил, но она только рассмеялась и сказала, что, если я не приду, Маша мне никогда этого не простит. Да, честно говоря, я знал, что мама откажется. Ну а когда я заметил, что ей самой было бы неплохо отдохнуть и сходить на праздник, чтобы повеселиться со всеми, то услышал очередную поговорку о том, что осенний день всю зиму кормит.

В этом она тоже была права. Такие травы можно было собирать только ночью, а скоро начнет дождить, они завянут и растеряют все целебную силу. Но мне все равно было не по себе.

Зато мама дала мне новенькую рубаху из зеленого и очень тонкого, почти невесомого, сукна. Я видел такие в городе и знал, что стоят они очень дорого, и что матери пришлось долго копить, чтобы купить мне ее, но все равно был рад.

– Да ты никак опьянел, Олег? – спросил меня Паша, ткнув пальцем в бок.

– Нет, просто устал, – не открывая глаз, ответил я. – Я-то

в отличие от вас, бездельников, работал целый день.

– Работа не волкулак, в лес не убежит, – засмеялся Рома. – А ты знаешь кого я сегодня у источника видел? Кого-кого, ты спросишь? Сеструху свою!

– Я и сам их видел, – я улыбнулся, открыл глаза и слегка ткнул Павла кулаком в ребра. – Рад за тебя, дружище. Очень рад. Саша хорошая девчонка.

– Хорошая, – проворчал тот, почему-то резко теряя всю веселость. – Только вот батя ваш...

Он мог не продолжать, мы все прекрасно знали, в чем проблема. Саша и Рома были детьми деревенского старосты. И тот естественно приглядывал для своего ненаглядного чада лучшего спутника жизни, чем непутевый Пашка – сын пастуха.

– Вот и хрен с ним! – вдруг долбанул по столу кулаком Павел. – Я в дружину наместника в новики запишусь. А потом вернусь ратником, может даже десятником и с кучей серебряных рублей в карманах! Вот тогда-то он никуда не денется, отдаст Сашку за меня.

– Так давайте выпьем! – сказал я, вставая с лавки и принялся разливать уже выдохшееся пиво по кружкам.

– Выпьем, чтобы все так и было! – тут же схватил свою Роман. – Знаешь, Пашка, я же за тебя... Я с тобой пойду. И Олег пойдет, да?

– Олега мать не пустит, – расхохотался Паша, мгновенно забыв о грусти.

– Точно, – я засмеялся вместе со всеми, огляделся и поймал на себе заинтересованный взгляд Машки, которая с подружками сидела за столиком в противоположном конце двора. Девчонки, как обычно, о чем-то щебетали.

И честно говоря, мне совсем не хотелось покидать родное Васькино село. Особенно, если она не отправится вместе со мной. Нравится мне здесь.

Мы снова столкнулись кружками и выпили. Я посмотрел на небо, на котором уже начали проявляться звезды и почувствовал, что и сам начинаю пьянеть. Все заботы сегодняшнего дня отошли на второй план, общее веселье потихоньку стало захлестывать меня.

– А зря, ты бы нам пригодился, – продолжал разоряться Рома. – Нам же и лекарь в походах нужен будет. Как тебе такое – мы воины, а ты при нас лекарем?

– Ну да, воин, которого полгода назад баба Валя коромыслом отлупила, – не остался в долгу я. – Литовцы и ордынцы, думаю, в страхе разбегутся, когда тебя увидят. А ватажники, так вообще, в штаны навалят, да сами в плен пойдут.

– Ну так-то баба Валя, – Роман не обиделся, запустил свою ложку в тарелку с моими шкварками и с набитым ртом прошамкал. – Она же за словом в карман не лезла никогда. И коромысло у нее всегда поблизости.

– О, сейчас играть начнут, – перевел тему Пашка, ткнув пальцем в музыкантов, которые уже занимали свои места у самого крыльца харчевни. – Что там, в кувшине осталось еще

что-нибудь?

Я схватил со стола емкость, бултыхнул, заглянул внутрь. На дне было еще немного доброго домашнего пива.

– Наливай, – потребовал Ромка, услышав характерный плеск. – Надо допить, чтобы врагам не осталось.

– Врагам, – возмутился я. – И где ты в Васькином врагов нашел?

Но, тем не менее, разлил остатки пенного, мы снова уда-
рили кружками, я поднес свою к губам, и так и замер. В са-
мом дальнем углу двора, в тени, я заметил знакомую фигу-
ру и, как мне показалось, ее обладатель снова с интересом
смотрел на меня. Как по заказу, мимо пробежал служка с
факелом, огонь которого на мгновение развеял темноту, и я
без всяких сомнений узнал старого солдата, которого видел
здесь же несколькими часами ранее.

– Что такое, муха в пиво попала? – спросил Роман, при-
кончив свою порцию.

– Нет, – я мотнул головой и отхлебнул. – Просто дед этот
снова. Он и днем тут сидел, и сейчас. И смотрит на меня.

– Да, нужен ему ты, – рассмеялся мой приятель. – Навер-
няка старику просто на пляшущих девок посмотреть захоте-
лось.

– Может и так, – я допил пиво, ударил кружкой по столу
и резко встал.

В голове закружилось, но я вдохнул полной грудью и си-
лой воли подавил опьянение. Сегодня меня еще ждали вели-

кие дела, да и перед Машкой ударить лицом в грязь никак не хотелось.

– Ну, пошли к девчонкам? – спросил я.

– Пошли! – хором ответили парни.

Сказано – сделано. Уверенным шагом я двинулся в сторону стола, за которым сидели деревенские девушки, подошел к Машке, приобнял ее, прижавшись своей щекой к ее.

– Колючий! – поморщившись, ответила она, но отстраняться не стала. – И когда у тебя щетина такой колючей стала?

– Так он ее снадобьем мажет, чтобы лучше росла, – тут же принялся выдумывать Ромка. – Ему мама дала, он сам рассказывал. Кстати, а снадобье то только для бороды подходит или что другое тоже вырастить можно?

– Да ну тебя, – я отмахнулся. – Мы просто зачем подошли-то... Давайте вместе посидим?

– Так ведь уже музыканты скоро играть начнут, – возразила мне Маша. – Пойдемте танцевать?

– Танцевать! Да, танцевать! – вразнобой загомонили девчонки. – Мы хотим танцевать!

– Ну что ж... Идем? – спросил я, протянув руку своей девушке.

– Пойдем! – она схватила меня за предплечье, коснулась ткани рубашки, и мы вместе двинулись к площадке у крыльца, где уже собирались парочки. – Ого! Какая тонкая! Олега, ты в ней, как настоящий боярин выглядишь!

Я только раскрыл рот, чтобы поблагодарить ее, и в этот момент произошло то, после чего моя жизнь разделилась на две части. И, будто назло, произошло это по обстоятельствам, которые совершенно от меня не зависели.

Еще пару биений сердца назад я был обычным деревенским парнем, сыном лекарки, который не видел для себя иной участи, кроме как перенять у матери ремесло и заниматься им дальше. Лечить жителей Васькиного села, заготавливать травы, готовить мази, настои и отвары, вести хозяйство, в конце концов. Когда-нибудь жениться на Машке, завести детей и передать им свои знания и опыт.

И умереть в собственной постели, в окружении большой и любящей семьи.

Но не успели грянуть первые аккорды задорной танцевальной песни, как в круг ворвался запыхавшийся Славка – мальчишка с подворья на краю села – и тонким голосом завопил:

– Волкулаки! Волкулаки на холме! Прячьтесь все!

Я даже осознать до конца не успел, что именно он кричит, а ужасное предчувствие уже сдавило мое сердце ледяной хваткой.

– Все прячьтесь! – продолжал он надрываться.

На холме? Так туда же мать ушла, травы собирать!

Я вырвал руку из ладони ничего не понимающей Маши и со всех ног побежал в сторону холма. Не знаю, на что рассчитывал, не думал же я в самом деле, что смогу спасти мать

из лап чудовища.

Волкулаки. Про них рассказывали страшные сказки по ночам, но эти чудища были реальными. Болтали, что они приходят из мертвых земель на севере, где не селятся люди и не живут звери, где возвышаются могильники, которые когда-то были человеческими городами.

Говорили, что волкулак мог иногда послиться у какой-нибудь деревни и начиналось странное: из окрестных лесов исчезала дичь, периодически пропадал скот. А потом и люди. Обычно те, кто любил бродить по ночам: пьяницы, любовники, которые во тьме прятались от чужих взглядов.

Чаще всего это заканчивалось тем, что селяне отправлялись в город плакаться наместникам и просить их о защите. И те естественно посылали отряды. Властям выгодно, чтобы в деревнях жили хорошо, исправно платили налоги и возили на торг свои немудреные товары. Мы кормим дружину, а она нас защищает, и это хорошо.

Иногда люди обращались к наемникам, ватаги которых путешествовали по миру, не гнушаясь никакой работы. Но как раз за такую неразборчивость наемников боялись гораздо сильнее, чем волкулаков. Сегодня они убивают чудовищ и разбойников за звонкую монету, а завтра вырежут все село, если им что-то не понравится.

Ветер свистел в моих ушах, ноги болели, сердце колотилось где-то у горла, дыхание напоминало хрип загнанного зверя, но я добежал до места, ни разу не остановившись.

Растолкал уже собравшуюся на холме толпу мужиков с дрекольем и факелами и замер, пораженный увиденным зрелищем.

Корзина с травами была отброшена куда-то в сторону. Мать лежала на земле, ее горло было разорвано, а живот распорот. И свежей кровью, вытекающей из ее ужасных ран, лакомилось чудище.

Огромное, размером с молодого бычка, вытянутой пастью напоминавшее волка, но ни один серый не мог похвастаться такими когтистыми лапами и такой мощной тушей, которая больше подошла бы медведю. Сквозь длинную черную шерсть виднелись гниющие язвы, но не было похоже, чтобы они причиняли твари хоть какие-то неудобства.

– Мама! – закричал я, и в крике было столько отчаяния, что даже страшное чудище его почувствовало.

Только что оно спокойно пожирало останки самого дорогого и близкого мне человека, не обращая внимания на толпу собравшихся вокруг людей. Это была старая и опытная тварь, она прекрасно знала, что селяне не нападут. Ведь пусть они и выйдут из схватки победителями, но троих, а то и четверых волкулак успеет порвать. А у каждого в голове вертелась подленькая мыслишка о том, что одной из жертв может оказаться он.

Но вдруг чудище подняло голову, оскалилось и зарычало, словно попыталось меня отогнать. Будто заявляла свои права на жертву, говорила: вот, это мое, и даже не пытайся это

у меня отобрать.

Только вот ты не угадала, тварь. Это мое. И навсегда останется моим.

Отчаяние сменилось вспышкой дикой ярости. Я выхватил из рук ближайшего мужика вилы, выставил их перед собой и рванул в сторона чудища. То резко дернулось влево, взмахнуло когтистой лапой, и тогда я сделал выпад, вогнав зубья ей в брюхо.

Только и успел услышать хруст плоти, разрываемой металлом, и тут же отлетел в сторону. Удар о землю вышиб воздух из моих легких. Я замер, бессильно раскрыл рот, пытаюсь вдохнуть, и только потом пришла боль.

Моя грудь оказалась распахана ударом когтей, разорванная праздничная рубашка быстро пропитывалась кровью. А тварь, несмотря на страшную рану и волочащиеся по земле застрявшие в брюхе вилы, уже подбиралась ко мне, собираясь вцепиться в горло.

– В сторону! – слышался сзади крик. – Разойдитесь!

Сил хватило на то, чтобы повернуть голову, и я увидел, как из-за ряда мужиков, вооруженных кольями и факелами, появился тот самый старый солдат. Синяя воинская куртка была расстегнута, и сквозь нее виднелась кожаная жилетка с набитыми металлическими пластинами. В правой руке седого мужчины был короткий меч, в левой – горящий факел.

Без лишних слов, он рванулся вперед и ткнул факелом прямо в морду твари. Та естественно могла бы и отпрыгнуть,

но сейчас ее подвижность сковывали воткнувшиеся в брюхо вилы. Запахло паленой шерстью, волкулак завыл и дернулся в сторону, но старик предвидел это и рубанул по левой лапе.

Вернее, как-то умудрился превратить рубящий удар в режущий, раскромсав сустав твари так, что та припала на землю, поджав поврежденную конечность. Старик воспользовался этим, резко сократил дистанцию и со всего маха обрушил лезвие меча на шею волкулака.

Вновь послышался хруст, но на этот раз я его узнал: именно такой звук издает нож, когда, разделявая свинью, задеваешь кости. Только сейчас он был слышен гораздо громче.

Тварь резко осела, будто все тело отказалось ей повиноваться. Старик выдернул меч, и, хоть тот и вошел в шею чудища только на половину толщины, второго удара наносить не стал.

Рядом с ним вдруг выросла еще одна фигура, в которой я узнал дядьку Виталия. Он размахнулся копьем и вогнал острие в спину продолжавшей бороться за жизнь твари. И после этого она затихло, с виду как-то даже уменьшившись в размерах.

С трудом перевернувшись на живот, я прополз расстояние, разделявшее меня с трупом матери, ткнулся лицом в ее мокрую от крови и еще не успевшую остыть грудь, прижался ухом, надеясь расслышать биение сердца, хоть и знал, что с такими ранами люди ни живут, а я все равно ничего не смогу сделать.

Ее сердце не стучало. Только поняв это, я потерял сознание.

Глава 3

Брянское княжество. Васильево село. Ранняя осень 54-го года от Последней Войны.

Я открыл глаза и попытался сесть в кровати, но не смог: тело не повиновалось. Да оно и не чувствовалось толком, только слабость разливалась по мышцам. На пару мгновений у меня появилась надежда, что произошедшее на холме было всего лишь кошмарным сном, но тупая боль в груди развеяла это робкое чувство.

Попытавшись шевельнуть рукой или ногой, я не добился ровным счетом ничего. И только тогда понял, что привязан к своему ложу толстыми веревками. А еще что-то туго перематывает грудь, не давая толком дышать.

– Помогите... – сипло прохрипел я, извиваясь всем телом и пытаясь высвободиться от пут. Закашлялся пересохшей глоткой и закричал уже во всю силу. – Помогите!

– Да не кричи ты так, всю деревню на ноги поднимешь же, – слышался хриплый голос откуда-то из угла комнаты.

Это было так неожиданно, что я даже замолчал. Только сейчас я понял, что нахожусь в своем же доме. Сквозь маленькие окошки свет практически не проникал, но я сумел разглядеть и печь, и полати. К тому же запах лекарственных трав, который сопровождал меня всю сознательную жизнь

тоже отчетливо ощущался.

В углу комнаты, там, где, как мне помнилось, стояла лавка, шевельнулась чья-то тень.

– Ты кто? – задал я вопрос

– О! Очнулся, никак? – в голосе послышалось облегчение. – А я-то думал, что и не придешь уже в себя. Сейчас, подожди. Лучину зажгу, при свете поговорим.

– Зачем лучину, свечи же есть, – удивился я. – Бортник принес два десятка, вроде в кладовке еще должны оставаться.

– Ну не искать же в темноте, я и наколол заранее, – возразил голос. – У тебя тут и смалец есть, можно пропитать. Вонять будет, правда, зато светло.

Через полминуты послышался треск загорающейся лучины, а по избе действительно стал разноситься запах свиного жира. Зато свет, отражавшийся в тазу с водой позволил мне разглядеть своего невидимого собеседника. Им оказался тот самый старый солдат, который зарубил чудище.

А еще я смог рассмотреть себя. Руки и ноги действительно оказались привязаны веревкой к ножкам кровати. А вот на грудь была наложена тугая повязка. Это как раз неудивительно, я сильно ударился о землю и вполне мог сломать пару ребер.

Удивительно было то, что присматривал за мной не кто-то из знакомых людей, не тетка Оксана, не Машка, а посторонний в общем-то человек. Пусть старик и спас мою жизнь,

но что он тут делает-то?

– Руки развязать? Да, сейчас развяжу, развяжу, – подошел он ко мне поближе и принялся распутывать узлы. – Ты как себя чувствуешь, парень? Болит где?

– В груди ноет, – ответил я. – Но не дергает, а так, тупо. И несильно совсем.

– Что не дергает, это хорошо, – покивал старик, дотронулся сухой и морщинистой ладонью до моего лба. – И жар сошел-ка, глядь. Да, парень, ты в рубашке родился.

– Жар? – я наконец-то смог по-человечески сесть и принялся растирать затекшие руки.

Связали меня так, чтобы не помешать току крови, но все равно ничего хорошего в этом не было. От веревок остались следы, которые проходить пока не собирались. А мать говорила, что, если больной или увечный будет лежать долго, а особенно если в подстилке камешек попадется или просто что-то твердое, то скоро его тело гнить начнет.

Но, наверное, обошлось. Да и повязка выглядит свежей, значит ее недавно меняли.

– Конечно, – старик усмехнулся и принялся развязывать веревки на моих ногах. – На когтях волкулака какой-то дряни нет. А он тебя по от души полоснул, так что трупный яд в кровь попал... Ты в следующий раз в грудь коли, не в брюхо. Со стрелой или копьем в брюхе тварь еще долго ползать может, но сердце у нее одно, и если его пробить, то подохнет тут же.

– А мать? – только сейчас я решился задать этот вопрос, хоть и заранее знал на него ответ.

– Не спасли твою мать. Да и не могли спасти, волкулак ее на месте убил. Похоронили уже, – старик закончил с узлами и уселся на край кровати. – Не казни себя, парень, ты ничего сделать не мог. Сам чудом выжил. Четыре дня ведь уже лежишь.

Я глубоко вздохнул, пытаюсь не поддаваться отчаянию. Мать. Единственный родной человек, самый близкий. Та, кто всегда понимала и была готова поддержать. Если бы я только знал, что так случится...

Она растила меня в одиночку, без отца. А я – мужчина – должен был защитить ее. Если бы я не пошел на танцы, а отправился вместе с ней на холм? Может быть, смог бы предупредить? Или задержал зверя, чтобы она могла уцелеть? Хотя, стала бы она убегать?

От злости я закрипел зубами.

– Что, болит? – по-своему понял меня старик.

– А связал-то зачем? – севшим голосом спросил я, не обратив внимания на его вопрос.

– Я тебя настоем полыни отпаивал. А как вышел на улицу, поесть приготовить: дома-то жарко и печь топить не хотелось, смотрю – ты из дома, и прочь со двора двинул. Бледный как смерть, мокрый, как мышь. Вот и пришлось связать. Да и плохо люди полынь переносят, если тебя мать учила, сам должен знать. Бился ты, кричал.

– А почему ты мне помогаешь-то? – я никак не мог взять этого в толк. – Почему на холме помог, и почему сейчас выхаживаешь?

– А мне раненых выхаживать не впервой, – ответил старый солдат, полностью проигнорировав первую часть вопроса, и посмотрел мне в глаза. – Страшно это, парень. Уж я знаю, каково это, когда молодые парни в горячке мечутся, успел насмотреться. Но раз в себя пришел, то на поправку пойти должен. Чувствуешь себя как?

– Есть хочется, – кажется, только сейчас я понял, что действительно лежу без сознания целых четыре дня. В животе жалобно заурчало.

– Я днем курицу сварил, – встал он с кровати и двинулся к печи, где застучал глиняной посудой. – Сейчас бульона попьешь... Немного. Если впрок пойдет, с утра уже нормально тебя покормлю, – он подошел поближе и протянул мне деревянную миску и ложку. – Сам сумеешь?

– Не маленький, – ответил я, взял посуду и принялся за еду. Вроде пустой бульон, вода одна, но вкусно было, жуть. – Я тебя еще у харчевни днем видел, когда шел помогать свиней забивать. Ты на меня смотрел, я заметил. Дядька Виталий тебя знает, мне Маша об этом сказала. Да и он единственный, кто помог тебе тварь добить. Ну, так ты кто?

– Умен, – помотал головой старик. – И видеть умеешь. Знаешь, я все думал: ты это или не ты, но, когда ты в одиночку с вилами на чудище бросился, понял.

– Ты о чем сейчас? – я положил ложку и посмотрел на солдата, который, как мне казалось, нес несвязную чушь.

– Хорошо, – он вздохнул. – Не хотел говорить вот так сразу, думал еще присмотреться. Меня Игнатом зовут. Я в дружине у князя Кирилла десятником был. Восемнадцать лет тому назад мы на Десне схватились с бандой. Под князем коня убили, он упал и зашибся сильно. Думали, что не довезем до Брянска. Но нам повезло, в этой деревне жила лекарка, она князя выходила.

– Мама? – до меня, кажется, начинал доходить смысл его слов, но это было слишком невероятно, чтобы поверить.

– Твоя мать, – кивнул Игнат. – Через семь лет он умер. Умер странно, я бы сказал, страшно, долго болел, хотя еще не старый был. Говорят, что отравили его. И перед смертью рассказал про то, что с лекаркой они согрешили. А летом этим я на ярмарке в Брянске встретился с Виталькой, он в той сече с нами был, но потом получил у князя за службу участок земли и из дружины ушел. Естественно со старым дружком в шинок пошли, выпили, закусили. Ну, я возьми, да спроси про лекарку, мол, уж очень она нам помогла. А он и говорит, что сын у нее родился.

– У матери мужчин не было... – проговорил я. – И про отца она мне ничего не рассказывала, хоть я и расспрашивал постоянно в детстве. Станным казалось, что у всех отцы есть, а у меня нет.

– Вот и я насторожился. Поспрашивал еще, прости конеч-

но, что так говорю, но не ходят ли к матери твоей мужики местные. Виталий сказал, что нет, мол, как огня ее боятся, никого к себе не подпускает. Я подумал: женщина та же, по времени все сходится. Решил дела свои в городе и сюда поехал на тебя посмотреть.

– Так это что... – сказанное стариком никак не укладывалось у меня в голове, но на пару биений сердца у меня перехватило дух. – Я, что, княжич? Это я могу теперь на Орловский престол сесть?

– Княжич... – Игнат махнул рукой, досадливо скривил губы. – Ублюдок ты, а не княжич. Княжичем ты станешь, когда тебя люди признают. А до тех пор... Упаси тебя Христос кому-то рассказать. В лучшем случае – не поверят и на смех поднимут. А если поверят, даже хуже будет. Удавят по-тихому, и как звали не спросят.

Я не знаю, что меня удивило больше – то, что старый солдат назвал меня княжим сыном, или то, что он упомянул имя мертвого бога. Но старик моего удивления не заметил и продолжал говорить:

– Если ты хочешь князем стать, то тебе сила нужна, понимаешь? Людей собрать, чтобы за тобой пошли. А для этого надо воином быть. И лидером.

– Но я не воин, – я с недоумением посмотрел на старика. – И не стану им, наверное.

– Не воин, – кивнул тот. – Это я уже увидел. Но насчет того, что не станешь – ты не прав. Дух воинский в тебе есть.

Силы наберешься, это не проблема. Вот умение... Основы я тебе преподам. А остальное – для этого выжить нужно. Хватит ли тебе удачи – не знаю. Это только жизнь может показать. Если ты, конечно, сам готов.

– К чему? – спросил я, и тут же об этом пожалел. Он мне тут рассказывает, что я сын князя, а я переспрашиваю после каждого слова, словно дурачок какой-то.

– Ну как к чему? Дом покинуть. Бродить под дождями и снегами. Под открытым небом спать, месяцами из седла не вылезать. Терпеть раны и голод, врагов убивать. Терять людей, которые тебе доверились, – он криво усмехнулся. – А ты что думал, княжеская жизнь – это в тереме сидеть, пировать, да указы подписывать?

Если честно, я так не думал. Мне вообще в голову не приходило, как там живут князья и бояре. Я и не представлял иной жизни, кроме той, которой жил все свои семнадцать лет. Да и не хотел, если честно. Меня устраивало помогать маме, заниматься хозяйством, встречаться с товарищами в харчевне и ухаживать за Машей, мечтая, что мы когда-нибудь поженимся и заведем детей.

– А тебе это зачем, старик? – спросил я.

На этот раз молчал уже он. Думал долго, и я уже решил, было, что задал слишком личный вопрос, но внезапно Игнат вздохнул и начал говорить:

– До отца твоего на этих землях все совсем иначе было. Никаких Пяти Княжеств не было, были города, которые по-

стоянно грызлись друг с другом, на торговых путях разбойники шастали, а селяне совсем не так, как сейчас жили. Кирилл был тогда Орловским княжичем, но рати водил уже с четырнадцати. Про него всякое говорили, что он колдовать умеет, знает, когда ему правду говорят, а когда врут, и может даже пророчить, что будет завтра.

Я завороженно слушал в оба уха рассказ о великом князе Кирилле, как когда-то в детстве. Но если раньше это были просто байки, то сейчас со мной говорил очевидец и прямой участник тех самых событий.

– Ерунда все это, конечно, – махнул рукой старик. – Просто умен был и опытен. И ошибок он делал сначала ничуть не меньше, чем любой другой полководец. Но дело не в этом. К двадцати он уже захватил Брянск и Смоленск. Потом расширил свои владения на Восход, присоединил Курск и Орел. Разобрался с ватажниками, дал отпор Литве. А под конец – отбил натиск Железной Орды. А теперь городами правят его наместники, которые, если честно, скорее всего, его и убили. У каждого из них – дети, каждому хочется укрепить свою власть. Пройдет еще несколько лет, и разорвут они Пять Княжеств, усядутся уже полноправными князьками в своих уделах, и пойдет все, как раньше.

Дед снова вздохнул, а я вдруг увидел, как в серых глазах старого воина загорается огонь. И тогда он продолжил:

– Я мог бы тебе сказать, что мы поодиночке не выстоим против внешних врагов. Или, упаси Господь, от нового на-

бега Железной Орды. Справедливости ради, они нас тогда пощупали только, но Кирилл врезал им так, что почти никто назад в степи не возвратился. Правильно поступил. Но ты спросил, для чего это мне нужно, — он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. — Потому что мы за него бились. Мы завоевали все эти земли. Я лично потерял множество своих товарищей, а эти ублюдки теперь собираются все встарь вернуть. А я не хочу, чтобы все, что мы сделали, зря было, понимаешь?

Я перевел взгляд с лица внимательно смотревшего на меня Игната на светец. Лучина почти догорела.

— Понимаю, — сказал старик. — Трудно решиться. Ты выздоравливай, а как поправишься, уже думай. Только я с тобой поживу пока что, ладно? У тебя ребра сломаны, сам ты долго еще по хозяйству ничего делать не сможешь.

— Да, живи конечно, ты чего, — заверил его я. — Да и одному мне... Непривычно будет.

На том и порешили.

На следующий день после этого разговора, я в первый раз поднялся на ноги. Вышел во двор, посидел на лавке под яблоней, подышал свежим воздухом, но пока еще чувствовал себя слишком слабым и не готовым к более продолжительным прогулкам. Поэтому скоро вернулся домой и уснул.

Игнат, однако времени даром не терял. На следующий день он ушел к деревенским полям и вернулся с парой подстреленных зайцев, которые частенько шуровали среди по-

садок, подъедая все, что удавалось украсть. Тем же вечером он освежевал косых, шкурки растянул сушиться, а туши разделал и сварил из них суп и жаркое. Самому мне дичь разделять не приходилось, поэтому я с интересом наблюдал за процессом, хотя помогать не рвался.

Заячью печень он меня, правда, заставил съесть в сыром виде, заявив, что это непременно необходимо. От первого куска меня чуть не стошнило, но с зеленым луком и под квас пошло нормально.

А еще я сам взялся за лечение: обрабатывал раны настойкой ноготков, а к местам предполагаемых переломов прикладывал кашицу из запаренных и мелко нарубленных листьев очанки и окопника. И то ли это помогло, то ли то, что то, что старый солдат заставлял меня много и сытно питаться, но отек быстро спал, и раны, нанесенные когтями волкулака, стали стремительно заживать, оставляя после себя уродливо бугрящиеся шрамы.

На четвертый день на двор явилась Маша, видимо, узнала, что я, наконец, пришел в себя. Она притащила целую сковороду зажаренных в меду яблок и большую крынку кваса. И сначала я был рад ее видеть, но потом сочувственные взгляды и вздохи стали вызывать у меня тошноту. Я сделал вид, что мне поплохело, и ушел в дом, но не уверен, что девушка в это поверила.

На шестой день раны затянулись окончательно, да и боль исчезла. Грудь дико чесалась, но с этим можно было сми-

риться. Правда, по словам Игната, ребра все еще не срослись, поэтому он настоял на том, чтобы туго перетягивать грудь повязкой. Я и не отказывался, только продолжал прикладывать примочки под полотнище.

Тогда же я и отправился на первую большую прогулку. Открыл сундук, в котором хранились материнские вещи: несколько книг, одежда и украшения. Проглотил комок в горле и отыскал на самом дне шкатулку, в которой лежали все ее сбережения: тридцать серебряных рублей князя Кирилла, и небольшой мешочек со смесью бронзовых монет и всякой мелочевки вроде кусочков серебра. Достал несколько медяшек, закрыл сундук и отправился в деревню.

Однако куда бы я ни пошел, везде натыкался на сочувственные взгляды. Пару раз меня останавливали, чтобы поговорить и принести соболезнования. Дядька Игорь даже предлагал идти к нему на работу, как поправлюсь, и чтобы не обижать его, пришлось ответить, что подумаю.

В конце концов, я добрался до харчевни, заказал себе кувшин пива, сушеной рыбы, и уселся в самый дальний и темный угол. Распотрошил рыбину, отделил несколько ломтиков, налил пива в стакан и сделал пару больших глотков. В помещении было тихо и безлюдно, но так рано туда никто и не ходил, все были заняты работой.

Две недели назад и я был бы занят делом, а сейчас словно выпал из ритма деревенской жизни. Оказался чужим, посторонним. Можно было попытаться вернуться в нее, раз уж ра-

ны зажили. Снова заняться хозяйством, собирать и засушивать травы, врачевать местных... Хотя, кто ко мне пойдет? В их глазах я семнадцатилетний парнишка, да, практически взрослый, но нет у меня лекарского опыта и репутации моей матери, и еще долго не будет.

Пусть знания и имеются, но кто мне доверится? Даже дядька Игорь ведь к себе позвал работать, не предположил, что я смогу и своим делом заниматься. Показательно, однако.

Да и, если честно, при мысли о такой жизни, мне становилось как-то не по себе. Было ощущение, будто я пытаюсь натянуть старую, но любимую детскую рубашу. И как ты не пытайся втиснуться в нее, ничего не выйдет. Ее время ушло, поэтому лучше отдай одежду из которой вырос тем, кому она еще может пригодиться, а себе подбери что-нибудь по размеру.

Я заглянул в пивную кружку. Пена уже осела, и в ней прекрасно было видно мое отражение. В общем-то, я привык видеть свое отражение в миске с водой или лужах, потому что зеркала стоили безумно дорого, и позволить себе иметь их могли немногие.

Хотя, как мне помнилось, у матери было такое – очень старое, уже успевшее помутнеть, в оправе из неизвестного мне материала: не металл, не глина, и не дерево, что-то очень странное и мягкое, тепло на ощупь. Как-то раз я игрался с ним и случайно уронил на пол, из-за чего зеркало тресну-

ло и одно отражение превратилось во множество мелких. Не зная, что предпринять, я спрятал его в сундук и сделал вид, что ничего не произошло.

Но мать, естественно, все поняла. Тогда она накричала на меня так, как ни разу до этого, и я почти сутки просидел в закрытой бане. Может быть, это зеркало ей подарил отец? Возможно, это была единственная память о встрече с князем Кириллом?

Но почему он не вернулся? Почему не встретился с мамой? Что же между ними такого случилось?

Теперь уже не узнать. Они оба мертвы, а остальные и не подозревают о том, что между ними было. Хотя... Кто-то же должен знать помимо десятника Игната? Не могли такие вещи остаться в тайне. Дружина-то у него была большая. Или попытаться расспросить старого солдата?

Я так и не понимал, почему он пришел за мной. Да, конечно старик рассказал о чувстве долга и о погибших за дело объединения Пяти Княжеств товарищей... Может быть, он действительно был так предан князю Кириллу, но с другой стороны, возможно, что дед просто надеется решить какие-то свои проблемы.

Но я даже не представляю, что это может быть. Остается только признать, что знание политики никогда не было моей сильной стороной.

Допив пиво, я закусил рыбой и налил себе еще, откинулся на лавке, прислонившись к стене, снова задумался.

Ну и что дальше? Этот вопрос никак не давал мне покоя.

Если уж к прошлой жизни не получится вернуться, может быть, стоит попробовать устроить жизнь новую? Получить наследство от отца, которого я не знал? Публично заявить о своей принадлежности к роду князя Кирилла Орловского, о правах на Орловский стол. И заодно на Смоленские, Брянские, Курские и Белгородские земли?

И скорее всего, умереть, пытаясь добиться признания своих претензий. Старый солдат не пугал меня, рассказывая об опасностях такого пути, о последствиях это решения. Хотя на самом деле ни он, ни я не представляем, что в действительно нам предстоит пережить. Готов ли я?

Честно – нет, и вряд ли когда-нибудь буду.

Я не воин. Меня даже нельзя назвать физически сильным, как бы не было обидно это признавать. Но ведь Игнат сейчас здесь, и готов меня учить. И, если я действительно сын Кирилла, то пусть не князя, но воина старик из меня сделает, он ведь десятник, людьми командовал.

И вдруг меня обуяла жажда деятельности. Поддавшись какому-то внезапному порыву, я вскочил с места, оставив на столе кувшин с недопитым пивом и недоеденную рыбу, выбежал из харчевни и быстрым шагом пошел на холм, чтобы не дать себе шанса одуматься, струсить и отвергнуть возможные перспективы.

Ворвавшись во двор, я отыскал Игната, который потрошил какую-то птицу. Судя по размерам, это была его оче-

редная охотничья добыча: тетерка или, может быть, глухарь.

– Я готов, дядька Игнат, – выпалил я, остановившись перед ним, как вкопанный.

– Уверен? – с сомнением посмотрел он на меня.

– Да, – кивнул я, отгоняя малодушную мысль о том, что еще не поздно отыграть все назад. И чтобы окончательно закрепитсья в этом убеждении повторил. – Да. Я хочу стать воином.

Глава 4

Брянское княжество. Васильево село. Ранняя осень 54-го года от Последней Войны.

Лежа в постели тем же вечером, я успел пожалеть о том, что все-таки сказал ему это. Проворочался всю ночь, все думая о том, какой же я дурак, и заснул только под самое утро. Но слова оказались произнесены, и обратно их было уже не загнать.

Впрочем, тренировки в тот же день мы не начали. Старый солдат предложил мне помочь ему с готовкой ужина. В четыре руки мы быстро распотрошили очередного принесенного им глухаря, нарезали овощи и приготовили на костре суп. Потом убирались в доме, приводили избу в порядок, а старик заставил меня еще и материнские лекарские запасы перебрать.

А вот на следующий день Игнат разбудил меня ни свет, ни заря. В буквальном смысле – солнце еще не встало, и на Восходе пробивались только первые, ярко-розовые лучи солнца. Он понажимал на места переломов, сдавил мою грудную клетку и, удостоверившись, что ничего не болит, заявил, что я полностью здоров, после чего приказал идти за ним.

Стоило нам покинуть подворье, как старик, не давая никаких объяснений, развернулся и достаточно резво припу-

стиль в сторону холма. Естественно, что пришлось бежать за ним. Прямо как есть, в ночной рубаше, портках и босиком.

Примерно на полпути к вершине я почувствовал, что задыхаюсь. Пусть до зимы было еще довольно далеко, но воздух за ночь остыл и сейчас обжигал холодом глотку. Усугублялось все тем, что дорога нещадно пылила под ногами бегущего впереди Игната, а мне приходилось глотать всю эту пыль. А каждый раз, когда я пытался догнать старика, чтобы побежать рядом, он только увеличивал темп, без особого труда снова отрываясь от меня.

Когда мы поднялись на холм, я понял, что сейчас умру. В левом боку колело, сердце бешено колотилось, а мышцы ног словно свело судорогой и никак не отпускало. Я, конечно, знал, что в плане выносливости мне далеко до десятника князя Кирилла, тем более, что я только восстановился после болезни, но он ведь был уже стар! Тем не менее, дед не выказывал никаких признаков усталости: он стал огибать каменную чашу и старый дуб, по-видимому, планируя сделать вокруг него круг. Я, естественно, стал повторять за ним, уже осознавая, что одним кругом тут не обойдется.

Навернув пять кругов вокруг источника, старик побежал вниз с холма, но не в сторону деревни, а в противоположную, где раскинулась небольшая рощица. Я только крикнул от неожиданности, но выбора не было – пришлось бежать следом. На этот раз по высокой траве.

С одной стороны, было легче, потому что путь вел нас с

горы, и ноги не так уставали, но с другой, трава больно впивалась в тело, и я то и дело спотыкался о валяющиеся среди нее камешки. Дед, как будто не замечал этого, просто бежал напролом, приминая густую поросль. А ведь ему, наверное, еще и сложнее, он-то первым бежит...

Остановились мы у самой опушки рощицы. К моему удивлению место оказалось подготовленным: трава на круглой площадке диаметром шагов в двадцать была тщательно скошена, но лежала тут же, будто специально, чтобы мягче было. А чуть дальше в лесу, между двумя близко стоящими деревьями и вкопанными в землю столбами висело полотнище. Под наклоном, чтобы вода стекала.

Там же, с одной из веток свисал мешок, явно набитый чем-то тяжелым, вроде песка. К еще двум столбам были прибиты железные крюки, в которых лежало короткое копье. Чуть в стороне, на открытом месте, был вбит еще один столб, потолще, но без коры. Зато на нем углем были нарисованы какие-то метки. Он что тут идола поставил?

Еще я заметил два тюка на поддоне под навесом и несколько самого обыкновенного вида палок. Да уж. Старик неплохо подготовился.

Скошенная трава вызывала у меня недоверие. Змеи тут в окрестностях водились: ужи, полозы и гадюки. И если первые два вида были неопасны, то гадюка могла и покусать, если на нее наступить. А никак тут в траве кто-то ползает?

– А змей тут нет? – спросил я, остановившись на краю

площадки.

– Нет, – ответил Игнат. – Я здесь чеснок разбросал, они запаха не любят. Завтра свежего принесем, раскидаем. Да и через неделю уже Воздвижение, они в этот день в спячку залегают, можно будет не бояться.

– Фух, – вздохнул я, прошел дальше и остановился, при-слонившись к дереву. Сердце, казалось, покинуло грудную клетку и стучало уже где-то в горле, дышать было просто невозможно. – Ну ты и даешь, я даже не ожидал... У тебя попить тут нету?

– Есть, – кивнул старик, который в отличие от меня не остановился, а принялся вышагивать туда-сюда, будто мерил выкошенную площадку шагами. – Но я не дам.

– Это почему? – возмутился я.

– А нельзя, – спокойно ответил Игнат. – Вот лошадь, запаренную после скачки, поить нельзя. И человеку после бега или боя пить не надо, пока не отдышится. И ты пройдишь, не подпирай дерево, оно без тебя не падало, и сейчас не упадет. Понял?

– Понял, – с готовностью ответил я и принялся, подражая деду, бродить по площадке. – Учеба началась. Лошадь запаренную не поить. Человеку после бега не пить. Запах чеснока от змей помогает.

– Учеба, – усмехнулся тот. – Это еще не учеба даже, это каждый знать должен, если в голове хоть что-то есть. Ну-ка ответь мне: почему мы сюда пришли?

– Так заниматься, – уже почти нормальным голосом ответил я. Похоже, рецепт деда пройтись после пробежки помогал.

– Я спросил почему, а не зачем. Почему тут, а не в деревне.

– Ну, – я огляделся вокруг.

Эта холстина, она ведь явно маслом пропитана, чтобы воду не пропускать. Видно, что Игнат устроил эту площадку заранее, возможно даже, что еще когда я валялся без сознания... Хотя вряд ли, он же не был уверен, что я выживу, а, значит, зря силы тратить не стал бы. С другой стороны тогда, он был уверен, что я соглашусь на его предложение? Интересно.

– Потому что деревья тень дают, – нашелся я с ответом. – Не жарко будет и солнце голову не напечет.

– Осенью-то? – во взгляде старика читалось сомнение. И скорее всего, сомневался он в моих умственных способностях. – Хотя, тут ты прав, до дождей еще далеко. А еще зачем?

– Из деревни не видно.

– Вот, – кивнул он, на этот раз с несомненным одобрением. – Из деревни не видно. А на источник, ваш, как я заметил, никто особо не ходит, люди в основном из колодца воду берут. Если б мы у дома твоего тренировались, то вопросы пошли бы. А то вообще кто-нибудь испугался, чего это мы схватились друг с другом.

– Игнат, – меня как ударило что-то. – Так, может, ты и друзей моих будешь учить? Они бы со мной пошли. Да мы и тренироваться вместе могли бы, между собой драться.

– Приятелей твоих? – старый солдат нахмурился. – Я-то могу, или Витальку попросить можно, мне он не откажет. Только ты послушай сначала. Парней из деревень так и так набирать придется, потому что хорошие воины свободными не бывают. Они либо в наместничьих дружинах, либо в бандах. Можно, конечно, и с кем-нибудь из атаманов сговориться, но ты сам такую ватагу сдержать не сможешь, и... Сам понимаешь, короче. А насчет друзей... Нам драться придется не единожды, а это кровь, смерть. И выживут не все.

– Понимаю, – я кивнул.

– Ну что, отдышался? – спросил он. – Я тебя пожалел сегодня, думаю, ты еще от ранения не совсем оправился. Но завтра побежим в полную силу уже, ты первым, понял?

Пожалел? И это называется пожалел? Да у меня чуть сердце не выскочило, пока мы бежали! Да уж, похоже, я обрек себя на каторжный труд.

Впрочем, как говорила мать, без труда не вытащишь и рыбку из пруда...

Тем временем старик вернулся из-под навеса и протянул мне два длинных и узких куса полотнища, похожих на те, которыми мы перевязывали мне сломанные ребра. Показал, как перематывать ими руки от костяшек пальцев до середины предплечья. Дождался, пока я замотаю кулаки, проверил,

все ли я сделал правильно, потом быстро перевязал свои. Скинул рубаху, жестом показал, чтобы я сделал то же самое. Я повесил свою на низко висящий сук – просушиваться, а то подмышками и вокруг шеи выжимать можно.

Посмотрел на тело Игната. В нем с первого взгляда угадывался воин: под небольшим слоем жира вполне отчетливо было видно развитые мышцы, а на груди и левом плече бугрились уродливые шрамы. Впрочем, не мне было об этом судить: у самого через всю грудь проходят рубцы, оставленные когтями волкулака.

На шее у него висел кожаный шнурок, а на нем болтался небольшой крестик. Так что это, мне тогда не послышалось, он действительно из поклонников мертвого бога? И как же тогда его князь у себя терпел? Да и вообще, многие мертвобожников не любят, хотя, говорят, где-то на Восходе есть целая крепость, где только они и живут...

– Давай, – сказал старик, отвлекая меня от мыслей. – Покажи, что умеешь.

За свою жизнь я, конечно, несколько раз дрался со сверстниками и вполне неплохо себя показывал. Но отпетым драчуном, конечно, назваться никак не мог. Тем более, что мать постоянно твердила, мол, лучшая битва – это та, которой не было. К тому же – одно дело схватиться с такими же деревенскими пареньками, а другое – с опытным воином.

Да и непривычно это было: сходу лезть в драку. Обычно это получалось не так, нужно было потолкаться, раззадорить

друг друга обидными словами, а уже потом начинать дело. Вот и сейчас я стал медленно обходить поляну по кругу, думая, с какой стороны лучше напасть на Игната.

Но тот ждать не стал. Старый солдат молниеносным движением сорвался с места, и не успел я моргнуть, как он уже врезался в меня всем своим весом. Что-то ударило по ногам, и я свалился на землю, но благодаря мягкой траве не зашибся.

Впрочем, если б не успел отреагировать и не перекатился в сторону, то и это не помогло бы, потому что Игнат, не давая мне подняться, нанес добивающий удар пяткой. Не знаю, остановил бы он свою ногу или сломал бы мне ребра во второй раз, но я предпочел не проверять, перекатился еще раз и кое-как поднялся, разорвал дистанцию и встал в стойку.

– Враг не будет ждать, пока ты ударишь, – Игнат даже не поднимал руки. Похоже, он был уверен, что успеет отреагировать на любую мою атаку. – Поэтому ты должен быть первым. Заставь врага потерять равновесие, сбей на землю, а потом добивай. Просто и эффективно. Давай!

Я бросился вперед, собираясь всем телом врезаться в Игната и своим весом сбить на землю. От выброшенного вперед кулака я увернулся, отскочив в сторону, а вот от подсечки уже нет, и опять грохнулся на землю. Понимая, что сейчас произойдет, я снова откатился в сторону и встал. Тело уже было покрыто царапинами от сухих стеблей, а дыхание снова сбилось, будто и не отдыхал.

– Бой – это в первую очередь не кто кого кулаками перемашет, а битва умов, – продолжил наставительным тоном старик. – Если враг у тебя в голове, если он знает, что ты сделаешь, то ты заранее проиграл. Действуй непредсказуемо.

Надо было продолжать, несмотря на усталость. Я снова поднялся, выставил перед собой кулаки и пошел на сближение. Махнул рукой, имитируя удар и, когда дед повелся и выставил вперед предплечье, обхватил его туловище руками и попытался завалить на землю.

Я давил всем весом, пытаясь опрокинуть старика через выставленную ногу, но тот каким-то неуловимым движением стряхнул с себя мои руки, схватил меня за плечо, вывернул так, что сухожилия захрустели, и резким толчком опрокинул на траву.

– Да ты больше просто и сильнее, – не удержавшись, выкрикнул я.

– А ты думаешь, что жизнь тебе будет соперников по силам подбирать? – ехидно поинтересовался Игнат. – Вставай и дерись. Или скажи, что не будешь, тогда можешь забыть о княжеском столе и идти к Оксане. За свиньями дерьмо прибирать.

Он и об этом знает? И когда успел?

Внутри меня будто что-то закипело. Нечто похожее я ощущал, когда бежал к холму той злополучной ночью, которой в деревню пришел волкулак. Ценой большого усилия мне удалось подавить в себе гнев и собраться. Я вскочил и двинулся

к старику, медленно огибая его по кругу. Он спокойно повернулся за мной, и тогда я атаковал: выбросил по широкой дуге левую руку и тут же без замаха ударил правой, рассчитывая, что вот-вот мой кулак встретится с его носом.

Левая рука наткнулась на жесткий блок, правую Игнат без затей перехватил, хлестнул меня по щеке и тут же долбанул открытыми ладонями по ушам. В голове будто что-то взорвалось, и я без всякого участия с стороны старика опрокинулся на пятую точку.

– Ну и последнее: нельзя брезговать подлыми приемами, – услышал я сквозь звон в ушах. – Жизнь – не соревнование, здесь правил нет, и кто победил, тот и прав. Поднимайся, на сегодня хватит. Ты слабый и мелкий. Но как силы набраться, я тебе покажу.

Глава 5

*Брянское княжество. Васильево село. Осень 54-го года от
Последней Войны.*

На следующий день я, конечно же самостоятельно не проснулся. Во-первых, потому что я никогда особо рано не вставал, ведь смысла в этом не было: скот же не надо на пастбище выгонять. Во-вторых, последние две недели я из постели практически не поднимался, вот и расслабился.

Ну а в-третьих, потому что за день я устал так, что мысль о том, чтобы снова взбираться на холм, вызывала у меня стойкое отвращение. Я был готов упасть и умереть прямо там, на площадке, лишь бы никуда не идти. Игнат, похоже, это заметил и решил меня пощадить, поэтому гнать в гору бегом не стал. Да и поднял он меня ближе к полудню, а тренировку ограничил работой на всех этих странных штуках, которые построил на поляне. Правда, как выяснилось, у каждой из них было свое предназначение вполне обычное и понятное.

Но вот на следующий день я понял, что ждать пощады мне больше не придется. Потому что проснулся я из-за того, что Игнат выволок меня из постели, вытащил во двор и тут же вылил на мое брненное тело целое ведро холодной воды. А пока я утирался и лупал глазами, пытаюсь осознать, что именно со мной произошло, старый солдат набрал из бадьи

еще ведро, облился сам, и пинками погнал меня на тренировочную площадку.

Мышцы болели, синяки и ссадины, оставшиеся после тренировочного боя тоже никуда за две ночи не пропали. А с учетом того, что бежать на этот раз мне пришлось гораздо быстрее, а вокруг источника мы намотали не пять кругов, а семь... Короче, добравшись до обустроенной стариком площадки, я тут же в изнеможении повалился на траву.

Потом, правда, вспомнил, как вчера Игнат говорил, что после пробежки нельзя стоять на месте и обязательно нужно двигаться. Резко вскочил с земли, осознав, что дед ведь может и решить, что нужно вбить в меня науку пинками, и принялся бродить туда-сюда.

А потом было совсем плохо. Сначала я, как и вчера, делал отжимания и болтался на турнике, пытаюсь подтянуться хотя бы пару раз. Потом получил у Игната вчерашние полотнища, перемотал руки и под его руководством колотил мешок с песком до полного изнеможения. Дед учил меня работать ногами, постоянно быть в движении, не забывать о защите, и, самое главное – бить правильно, вкладывая в каждый удар свой вес.

Когда с меня сошло семь потов, старик пригласил меня на площадку и показал несколько способов, как можно быстро подняться с земли, если тебя все-таки повалили. Мы тут же принялись осваивать эту хитрую науку: он бросал меня на траву разными способами, а я должен был подниматься,

уклоняясь от добивающего удара и резко рвать дистанцию.

За этот день мне пришлось поваляться на земле, наверное, раз сто. Пожухшее сено было разметано по всей площадке, и после тренировки я граблями и вилами снова равномерно распределял траву и добавил соломы из тюков, хранившихся под навесом.

А когда мы вернулись домой, Игнат приказал мне колоть дрова и в очередной раз убраться в избе. Потом поругался, что я орудую колуном неправильно, показал, как нужно это делать, и ушел по своим заботам. Вернулся уже только вечером с очередной парой пойманных зайцев, которых мы ободрали и приготовили.

На третий день я проснулся уже самостоятельно. Имелся соблазн облить деда водой прямо в постели, но я понимал, что он после этого мне голову отвернет. Да и не вышло бы: не успел я подойти к нему, как он уже открыл глаза, будто и не спал совсем. Вот, что значит – старый солдат.

И все пошло по наработанной схеме: пробежка, но уже с десятью кругами вокруг источника, упражнения на тренажерах, а потом учеба. Отрабатывали падения, кувырки, захваты и броски. На пятый день старик притащил откуда-то два стеганых поддоспешника и пару подшлемников, и мы принялись разучивать удары и блоки. Мне все еще было очень далеко до своего наставника в плане умений, но теперь я валялся на земле гораздо реже, а если и падал, то мгновенно вставал через пережатие или кувырок и снова бросался в бой.

Так прошла целая неделя. От тренировок однозначно был толк, хотя бы потому что мысли о смерти матери и своем неясном будущем как-то отошли даже не на второй план, а на третий. Тем более, что с соседями я почти не виделся и больше не натыкался на их сочувственные взгляды.

Даже друзья и Маша перестали заходить, но я понимал, в чем дело и не обижался: они сейчас целый день от зари до заката проводят в поле, убирая посадки. Зерно-то сжали еще раньше, а вот до овощей дело дошло только сейчас. А так, как от домашних обязанностей их никто не освобождал, времени, чтобы навестить меня, у них не находилось.

Это означало, что скоро приедут люди наместника за налогом. В целом меня это не касалось, потому что мать уже давно передала нашу долю старосте. Платили мы мазями, настоями и сырьем для лекарств, которые потом передавали в городской госпиталь. А на следующий год меня все равно в Васькином селе уже не будет, так что задумываться об этом смысла нет.

В общем, без напоминаний память о последних событиях стала притупляться и как-то меркнуть что ли. И теперь единственным, что меня волновало, была боль в мышцах, но постепенно я перестал ее чувствовать, она стала восприниматься как должное.

На седьмой день, когда мы вернулись с тренировки, Игнат выдал мне небольшой прямой нож, показал, как прятать его за голенищем сапога, и приказал выстругать несколько таких

же, но из дерева. Со столярной работой я был всегда не в ладах и первые две заготовки попросту сломал. Да и из пяти готовых ножей дед признал годными лишь два, остальные, по его словам, подходили только для растопки. Но и это было лучше, чем ничего.

Он сделал несколько таких же для себя и на следующий день стал показывать, как ими пользоваться. Нож в руках старого солдата буквально порхал, он двигался так быстро, что я частенько даже не успевал заметить момент удара, а реагировал, только на болезненный тычок деревяшкой через поддоспешник. Но работа с засапожником стала логичным продолжением моей учебы. Постепенно я стал осознавать, что Игнат следует какому-то плану, и что ему явно можно доверять.

В трудах время летело очень быстро, но они стали приносить свои плоды. Старому солдату больше не нужно было меня подгонять по утрам, я без проблем выдерживал заданный Игнатом темп. В драке в сравнении с ним я по-прежнему ничего не стоил, но у меня уже кое-что получалось. Да и подтягивания я освоил и мог даже, подтянувшись, вытянуть себя наверх и, опершись о перекладину, выпрямить руки.

На десятый день после тренировки я посмотрел на свое отражение в бадье, из которой мы умывались. Странное дело, вроде бы и занимаюсь всего ничего, а как будто в плечах раздался. Да и мышцы на груди больше стали, и шрамы как-то иначе бугрятся...

– Ты не засматривайся особо, – заметил Игнат, вытиравшийся полотенцем. – Мышцы больше кажутся, потому что они кровью налились после тренировок. Завтра с утра уже меньше будут, а если бросишь заниматься, то сдуются за три дня. Я сейчас схожу к Витальке домой, принесу кое-что из вещей своих.

Так вот, где у него все эти вещи хранятся: копья, ножи, поддоспешники... Только как же он это все в город притащил? Караванов не было, значит, пришел один. Хотя, у него, наверное, и лошадь есть, просто в конюшне стоит вместе с конями стражников, он ведь туда часто ходит, я заметил... Да и не одна, наверное, у дружинников вроде еще и заводные бывают.

– Через пару дней стрелять учиться начнем, – продолжил он.

– А почему не завтра? – удивился я.

– Так праздник завтра, уборочная закончилась, – ответил Игнат. – Виталик сказал, сборщики из Брянска приехать должны. При них лучше ничем таким не заниматься. Сам понимаешь, им этого видеть не нужно.

– А на праздник-то пойти можно? – спросил я.

– Я не пойду, а ты как хочешь. Только возвернись пораньше и на пиво не налегай, иначе не встанешь на следующий день. Тогда иди воду таскать, баню будем топить. И завтра все равно буди, хотя бы пробежаться и с мешком позаниматься все равно нужно.

– Так, может, и баню завтра затопим, если все равно завтра заниматься пойдем? – с надеждой в голосе спросил я.

– Баня за ночь не остынет, вода теплой будет, – развеял мои надежды Игнат. – Так что бери ведра и иди на холм.

Я и забыть успел про праздник. А ведь да, каждый год, после уборки урожая, у нас устраивают большое гуляние с плясками и соревнованиями. Иногда в этом участвуют и дружинники, которые приходят вместе со сборщиком налогов. Староста специально так подгадывал, чтобы устроить празднества к их приезду. Наверное, считал, что так проще будет договориться с мытарем.

Хотя я был полностью уверен, что старик не разрешит мне никуда пойти. Да он бы так и сделал, скорее всего, если бы не боялся, что наши тренировки увидят люди наместника. А если его еще и узнают, то непременно возникнут вопросы. И главным из них будет: зачем вообще старый ветеран учит сражаться какого-то деревенского отрока? Какой у него в этом интерес?

Не то, чтобы мне так уж хотелось куда-то идти. Просто я очень соскучился по Машке. Да и она наверняка обижается, что мы не видимся. А ведь девчонка и не знает ничего.

Не знает, что я княжеский ублюдок. Понятия не имеет о моих тренировках с Игнатом. Даже не подозревает, что скоро я уйду из деревни добывать себе отцовский престол. И с очень большой долей вероятности не вернусь, потому что шансов на успех не так уж и много. И ведь для нее нет ника-

кого смысла ждать меня.

Так, может быть, лучше поступить честно? Разорвать наши отношения? Как-то помягче, конечно, объясниться, дать понять, что я – совсем не тот человек, который ей нужен. Совета бы у кого спросить, но под рукой только Игнат, а ему задавать такие вопросы я не хочу.

Оставалось только взяться за ведра и идти за водой.

Глава 6

*Брянское княжество. Васильево село. Осень 54-го года от
Последней Войны.*

– В последний раз! – разорвался Павел. – В последний раз в своей жизни я работаю в поле! Красный Телец мне свидетелем, но как только зима кончится, уйду в Брянск, и хоть трава не расти.

– А что такое? – спросил я, заглянув в стакан.

Помня слова Игната, что напиваться не стоит, я потягивал пиво мелкими глотками и не успевал за товарищами, чем, похоже, сильно раздражал их. Вот и сейчас у меня в кружке было чуть больше половины, хотя парни уже почти успели опустошить свои.

Впрочем, мне было наплевать, хотелось растянуть сегодняшний вечер, чтобы он длился как можно дольше. Ведь с завтрашнего утра опять начнется круговерть тренировок. Хотя, я уже успел привыкнуть и ощущал себя каким-то другим человеком что ли. Даже засапожник на правой лодыжке почти не мешал, а будто наоборот, придавал уверенности.

– Да достало! – ответил он. – Пашешь и пашешь, как проклятый, а конца и края не видно. Весь в земле. Я-то работы не боюсь, ты меня знаешь, но лучше уж что-то другое найти.

У меня возникло стойкое ощущение, что такое со мной

уже происходило. Ну да, ведь всего недели три назад мы втроем сидели за этим же столиком во дворе харчевни, пили пиво и предвкушали предстоящее гуляние. Правда, сейчас здесь было гораздо больше народа, потому что соседние столы заняли пришедшие вместе с мытарем дружинники. Они же и веселились больше всех.

– Можно в Брянск пойти, – вдруг заметил Роман. – Там сейчас на наместнических верфях плотники нужны. Отец говорил, что мытарь людей искал.

– И будете по горло в опилках, – пожал я плечами. – Тоже не самое лучшее.

– Ну тебе-то откуда знать, ты же ни дня на земле не работал, – внезапно для меня огрызнулся Павел. – Возишься со своими травами и мазями.

– Да нет, как-то уже не вожусь, – пожал я плечами. – А если серьезно, что с тобой случилось, Паша? Ты чего злющий такой?

– Да, ему отец запретил с Сашкой встречаться, – ответил Роман за нашего общего приятеля. – Вот Пашка и психует. Батя, видишь, хочет, Саше мужа найти из дружинников или купцов. Короче, в город ее отправить. Та, естественно в рев, но он ни в какую, даже не слушает.

Надо же, походу не только у меня неурядица в отношениях. Правда, в своих проблемах я сам виноват, а тут отец. Деревенский староста здесь самый главный и против его решения никто пойти не может: он ведь и судья, и в городе многих

знает – мытарей, дружинников. Значит через Сашку решил дальше в люди выбиваться.

– Да и правильно, – Паша налил себе еще пива, залпом опустошил кружку и грохнул ей по столу так, что наши подпрыгнули. – Мы с вами кто? Селяне как есть. На земле работаем всю жизнь, а потом нас в эту же землю и положат. А вот они – сами посмотрите – настоящие хозяева жизни.

Дружный хохот нескольких луженных глоток оглушил меня. Я повернулся и увидел толпу дружинников, смеявшихся над одним из своих товарищей, который только что сверзился со столба. Лазать по нему – такая забава у нас, на площади это бревно вкопано, сколько я себя помню. В праздники его щедро смазывают жиром, а к колесу, прибитому на верхнем конце, привязывают какие-нибудь безделушки типа сладостей или дешевых украшений.

И «богатыри» пробуют свои силы – забраться на столб и ухватить что-нибудь. Я лично и не попытался ни разу, хотя сейчас было бы интересно... Но все равно, наверное, не получится. Дружинники – парни гораздо больше и сильнее меня, и те частенько соскальзывают вниз. Забрать трофей получается только у тех, кто идет последними, когда их неудачливые предшественники уже соскоблят жир с бревна своими телами.

– Их работу так-то тоже чистой не назовешь, – заметил я. – Да и голову сложить там гораздо проще, чем если в поле пахать. И поверь, они веселятся сейчас потому что для них

это такой же праздник, как и для нас. Что у них в обычные дни-то: тренировки, дозоры. На страже опять же стоять надо.

– Тебе-то откуда знать? – спросил Павел.

– Так Игнат рассказал, – пояснил я. – Тот старик, который меня спас.

– Да? Ему я верю, конечно. Но это все равно лучше. Вот серьезно, пойду и запишусь в новики, как только по весне набор объявят. А потом хоть трава не расти.

– Ты только подумай хорошенько, – я пожал плечами и допил пиво. – В таких делах спешить не нужно. Да и если тебя убьют, то Саше явно лучше не будет. А вон, кстати, и они с Машей идут. На празднике тебе с ней повидаться никто не запретит, так что двигайся, они же подсесть захотят.

Я оказался прав, девчонки действительно шли к нам. Маша уселась на одну скамью со мной, беззастенчиво отхлебнула из моей кружки, поморщилась. Ну да, ей-то пиво пить вот так, без закуски, не привычно. Да она сама больше медовуху любит, сладенькую, да на травах.

А я вот не могу ее пить. Вообще мед не люблю. Воротит. Сколько мать пыталась приучить, мол, и здоровья добавляет и вообще полезный.

От воспоминаний о матери в груди снова жалобно защемило. Чтобы как-то успокоиться, я опрокинул в себя кружку с остатками пива.

– Давно не виделись, Олежа, – сказала девушка, положив голову мне на плечо. – Я-то уж думала, что ты и забыл обо

мне. Другую себе нашел.

— Как же, — я усмехнулся. — Вы же на уборочной заняты были. Да и нет ни здесь в Васильевском, ни во всем княжестве девушки красивее тебе.

— Я бы попросил, — заметил Павел, который как раз обнял подсевшую к нему Сашу.

— Красивее, чем ты и Саша, — поправился я, сам поражаясь своей гибкости и дипломатическим способностям.

— Я соскучилась, — прошептала Маша на самое ухо.

— Я тоже, — ответил я и поцеловал ее в щеку.

Но мне снова стало не по себе. Должен я ей открыться или нет? Должен рассказать правду, и поделиться переживаниями? Предупредить, что скоро уеду и, возможно, даже не вернусь?

За соседний столик уселась группа молодых парней, одетых в стеганные поддоспешники. У каждого на поясе висело по короткому мечу в ножнах и по длинному ножу. Прочее они, похоже, решили оставить в караулке деревенской стражи. Ну и правильно, это же праздник, никаких боев тут не планируется.

Это были новики из брянской дружины, и таких в сопровождении наместничьего мытаря оказалось большинство. Теперь я понимал почему: нет смысла гонять настоящих ратников, чтобы собрать с селян налоги. А так и груз в относительной сохранности, и парни опыта наберутся.

Хотя, конечно, без опытных воинов тут все равно не обо-

шлось. Все-таки на дорогах, бывает, пошаливают банды разбойников, а продуктов, которые мы отправляем в город, хватает для средней ватаги не на один год. Хорошая добыча. Но кусачая.

– Эй, девушки! – закричал один из них, махнув рукой Маше и Саше. Те естественно обернулись. – Подсаживайтесь к нам. Зачем вам эти деревенщины?

Я почувствовал, что парни напряглись. Конечно, можно просто проигнорировать болтливую новика, девчонки все равно даже не подумают сесть к ним. Но ведь эти не отстают. Будут весь вечер насмехаться над нами,

– Да, вам ведь, наверное, интересно, кто такие настоящие мужчины! – вторил ему другой новик – рыжий и весь в веснушках.

– А ты себя что, настоящим мужчиной считаешь? – поднял я голову и спросил, чтобы все слышали.

– У тебя не спрашивал еще, – огрызнулся тот. – Помалкивай лучше, пока я тебе ребра не пересчитал, деревенщина.

Я посмотрел на Машу, которая помотала головой, умоляя меня не ввязываться в драку, но остановиться уже не мог. Сам не знаю почему. То ли психанул из-за того, что меня унижают на глазах у моей же девушки, то ли слова Павла о «хозяевах жизни» запали слишком глубоко в душу, то ли напряжение последних дней дало о себе знать. А, может быть, отцовская гордость проснулась.

Конечно Игнат во время обучения не раз подбадривал ме-

ня затрещинами и насмешками, но одно дело, когда над тобой потешается мудрый и опытный воин, а самое главное – учитель, который тебе ничего кроме добра не желает. А этот наглый новик – совсем другой случай. Какое вообще право он имеет задира́ть людей?

Я поднялся из-за стола, повернулся к парню и сказал:

– Так, может быть, выйдем на улицу и разберемся, кто из нас настоящий мужчина?

– Вот как? – он тоже поднялся, отстегнул от пояса ножны и положил на стол. – Парни, смотрите, какой смелый деревенщина. Вот сейчас потеха будет.

Все вместе мы вышли на дорогу у ворот харчевни. Толпа, заметив готовящееся веселье, обступила нас, образовав круг около десяти шагов в поперечнике. Я обернулся и с облегчением заметил, что и мои друзья стояли в этом кругу, около самого забора. И Маша тоже пошла.

Мы с новиком оказались друг напротив друга. Он, похоже, абсолютно не воспринимал меня в качестве противника и продолжал потешаться:

– Ну что, деревенщина, сейчас вежеству учиться будешь. Но ты не бойся, убивать я тебя не стану. Так только, обработаю слегка, чтобы понял, кому дерзить не следует.

Мы принялись кружить по доступному нам пространству, не сокращая дистанцию. Пару раз он делал вид, что пытается броситься на меня, но я резко отскакивал назад.

Я прекрасно понимал, что в честной драке этому парню

не соперник. Хотя бы потому, что одет в праздничную рубаху, а он – в плотный стеганый поддоспешник. Да его наверняка и биться учили не один год. Ему сейчас на вид семнадцать, обучение новики начинают в пятнадцать, а к восемнадцати тех, кто доживет, принимают в полноправные ратники. А сколько я занимаюсь у Игната? Меньше двух недель.

Но он действительно думал, что я – деревенщина, который ничего не умеет. И в этом был мой единственный шанс – ударить первым, пока парень ничего не понял, завалить на землю и добить. Нужно только подгадать момент.

– Что, боишься, парень? Если трусишь, так и скажи. Все это и так понимают. Особенно вот та красавица, – он повернул голову к Машке, на мгновение упустив меня из поля зрения.

И дал мне тот самый момент, которым я не преминул воспользоваться. Рванув с места, я врзался в не ожидающего этого новика всем своим весом, одновременно поставив подножку. А когда парень свалился на землю, ударил пяткой в грудь, чтобы выбить из него не только дух, но и мысли о том, чтобы продолжать драку.

Та самая связка движений, которой меня учил Игнат, и которой он в самый первый раз уронил меня. Со взрослым мужчиной она бы не сработала, но новик был примерно моих размеров и моего же веса. К тому же он настолько не ожидал от меня решительных действий, что не успел отреагировать на добивающий удар, крепко получил пяткой по ребрам, рез-

ко выдохнул, и похоже потерял сознание.

И как назло, именно в этот момент ряды зевак раздвинулись и из-за них вышли староста с княжеским мытарем. Кажется, они как раз что-то активно обсуждали, но увидев меня над поверженным дружинником, Демьян осекся на полуслове, глаза его расширились, и он завопил:

– Стража! Схватить его и десять ударов плетью!

Вот ведь сука! Неужели старик настолько дорожит своим положением, что даже не попытается разобраться, а попросту отдаст меня на растерзание? Ну уж нет!

Я наклонился, выхватывая из-за голенища нож, разогнулся, встал в стойку. Они тут пусть и в доспехах, но хоть пару я порезать успею. А просто так себя плетями пороть не позволю, еще чего!

И что удивительно, Павел и Роман присоединились ко мне. Пашка резким движением оторвал от порядком покосившегося забора короткий дырн и встал справа, Ромка подхватил с земли табуретку и прикрыл меня слева. Я, конечно, уважал своих друзей и дорожил нашей дружбой, но даже не предполагал, что парни могут вступить за меня в такой ситуации. Тем более, что Роман приходился старосте сыном.

Но сейчас стража бросится вперед и нас попросту затопчут. Что могут противопоставить трое парней двум десяткам дружинников? Пусть из них пятнадцать – всего лишь новики.

– Не надо, – прохрипел, приподнимаясь на локтях побив-

тый мной парень. – Не надо, боярин Сергей, он не виноват.
Это я его на драку подначил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.